

ЮРИЙ НИКИТИН

В шаге

Юрий Александрович Никитин

В шаге

Серия «НИКИТИН»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68798580

В шаге:

ISBN 978-5-04-180988-1

Аннотация

Знаменитый Юрий Никитин, о близком будущем и пугающих перспективах технологического прогресса.

Один из самых популярных российских фантастов. Автор прославленного славянского фэнтези "Трое из Леса".

Работал литейщиком и геологоразведчиком на Крайнем Севере. Окончил Высшие Литературные курсы "Московского Литературного института". С 1976 года написал 157 официально изданных романов. Много работать, быстро писать новые книги и удивлять читателей неожиданными идеями – необходимо и естественно для Юрия Никитина.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	54
Глава 5	65
Глава 6	76
Глава 7	87
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Юрий Александрович Никитин В шаге

© Никитин Ю.А. текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I

Глава 1

Человека вычленила из животного только ложь. Животные не лгут, как не лгал и человек, пока был животным. Он стал человеком, когда впервые солгал, за что и выперли из райского сада.

Солгал и его первенец, сказал, что он не сторож брату своему, и дальше ложь стала тем цементом, что позволяла уживаться в стае, а когда стая разрослась в общество, лгать пришлось на каждом шагу.

Человек – это не то, что видим, а нечто эфемерное, созданное запретами, правилами, законами и моралью, что есть хрупкая надстройка, отделяющая нас от мохнатых и кровожадных зверей, коими являемся на самом деле и сейчас.

И эту причудливую, но устойчивую надстройку вот-вот сломаем нашим нейролинком?

Плечи мои зябко передёрнулись, я цапнул со столика фужер с шампанским и, прислонившись к стене, надел на лицо улыбку всем довольного человека, какими нас желает видеть правительство.

Ещё и проверил, хорошо ли сидит, народ здесь вниматель-

ный, всё замечают и схватывают на лету. Вот такой весь из себя правильный и законопослушный, заставил себя наблюдать за вечеринкой, стараясь убежать от мысли, что своей работой приближаем мировую катастрофу.

Вообще-то даже не вечеринка, а вроде бы так полагается отметить удачное и чуточку досрочное завершение предыдущей ступени нашего амбициозного проекта.

Запрещающих законов всё больше, я бы давно в них запутался, но ассистент в ухе следит, что делаю и что собираюсь делать, и постоянно напоминает, что можно, а что низзя, дескать, вчера порицалось, а сегодня уже запрещено.

Нарушение чревато потерей части рейтинга, потому я на всякий случай смотрел на всех равнодушно, чтобы даже по мимике не определили, что мне нравится, а что нет.

Ходят слухи, что и это скоро будут отслеживать, вернее, уже отслеживают, но вот-вот тоже введут штрафные санкции за неподобающий образ мыслей.

Пора менять правительство, мелькнула мысль. Слишком уж увлеклись, занесло их не по-детски. Человек должен идти к свободе, хотя как это проделать при полном контроле, пока не соображаю.

Отмечаем в большом зале нашего научно-исследовательского центра, где на стенах рабочие экраны от пола и до потолка, на столах еда, вино и пиво из ближайшего кафе, оттуда же с полдюжины лёгких столиков.

Зашёл на пару минут поздравить даже Бронник, директор

института, моложавый, спортивный и по-военному подтянутый, таких называют вневозрастными, но «молнии» на куртках называет «змейками», что яснее ясного говорит об эпохе, из которой вышел, но частично и принёс с собой.

Коротко поздравил, осушил бокал вина и ушёл, туманно пообещав скорые и хорошие перемены. После его ухода притихшее было веселье закипело с новой мощью.

Я, как самый главный, всё-таки заведующий лабораторией нейроформатики, с фужером лёгкого вина в ладони, внешне раскованный, с лёгкой улыбкой, отечески поглядываю на веселящихся сотрудников, больше половины которых старше меня.

Правда, не потому что старики, это я достаточно молод, а зав потому, что дальше всех продвинулся в разработке софта для нейролинка, должен быть на острие, а остальных вести, как коз на верёвочке.

Музыку врубили не оглушающую, как у тех, у кого с айкью напряжёнка, разговаривать можно без крика, и вообще здорово, когда в коллективе все такие, такие...

Я запнулся, подбирая слово, перфекционизм всё чаще подводит, требуя формулировки построже. В неокортексе сейчас рождаются сотни ярких и точных определений, которые трудно выразить скудным языком первобытного охотника и собирателя, как его не расширяй за счёт перекомбинации звуков, а вот наш нейролинк всё выразит точнее...

Стоп-стоп, сказал внутренний голос, хоть сейчас не о ра-

боте, хорошо? Смотри, у тебя прекрасная команда. Двенадцать человек. Хотя женщин маловато, всего трое. Надо бы ещё добавить, а то по судам затаскают за мужской шовинизм, сейчас эти перегибы с демократией, но и нельзя брать недостаточно компетентных, такое развалит коллектив и вообще удар по работе.

Сперва были только две, Виолетта и Наташа, но месяц тому директор привёл ещё одну, Ежевику, отрекомендовал, как очень способного нейро-интуитивиста, предложил включить в группу разработчиков.

Я тогда только плечами пожал, дескать, слово директора, да ещё с военным прошлым – закон, но эта Ежевика, что за имечко, в самом деле оказалась очень способным работником, исполнительным и аккуратным. Фауст, которому её поручил, хвалил, и я успокоился, перестав обращать на неё внимание.

Через пару недель блеснула на приёме в институте, когда прибыла команда разработчиков из арабской страны, что-то хотели вызнать, кого-то сманить к себе, а эта Ежевика, оказывается, владеет арабским, сумела оказаться полезной.

В другое время я и не заметил бы, на работе она, как серая мышь, хоть и быстрая, но внимание не привлекающая, но сейчас на вечеринке блистает как яркая тропическая бабочка, сыплет шуточками, острит умело и задорно.

Парни уже начали группироваться возле неё, с темы нейроформатики незаметно перешли на так называемые обще-

человеческие, мол, и нам ничто человеческое не чуждо, и я снова ощутил диссонанс перфекциониста. Почему, когда говорят о человеческом, имеют в виду чисто животные качества, а не, скажем, квантовую физику, разработку ИИ, или хотя бы простую математику, что в самом деле присуще только человеку?

Однако наблюдал с удовольствием, приятно, когда коллектив из одних интеллектуалов. Реплики отточенные, с двойным дном, нет обычной житейской грубости и пошлости, на столе в большинстве лёгкие закуски и пирожные, из вина – лёгкие натуральные, никто не упьётся, как бывало на студенческих вечеринках, когда по дурости и бахвальству мы старались перепить один другого.

Виолетта и Наташа тоже цветут и пахнут, весёлые и раскрасневшиеся, хотя больше хихикают и строят глазки, но Ежовика в общении как-то ярче. Выглядит моложе обеих, но сейчас и шестидесятилетние умеют смотреться, как девочки, тем легче с её небольшим ростом и таким же весом, жизнерадостная, смешливая, хотя на работе злая и сосредоточенная, умеет огрызнуться, когда отрывают от дела.

То ли заметила мой взгляд, то ли что-то задумала, подошла лёгкой танцующей походкой с двумя полными фужерами, один сунула мне в ладонь, другой приподняла на уровень глаз, глядя весело и задорно.

– С праздником, шеф!.. Работу закончили на двое суток раньше!.. Заказчик обалдеет!

Голос её звучал легко и радостно, я отставил свой пустой фужер на подоконник, ответил мирно:

– Мы сами и заказчики. А работы непочатый край. Это что, вино?.. Мой организм уже получил дозу этого яда.

– Насчёт яда Авиценна бы поспорил, – ответила она. – К тому же в этот состав добавлены какие-то полезности. В рамках борьбы за здоровье нации. Минздрав рекомендует.

– Ну, – пробормотал я, – если сам Минздрав...

Она проследила, как я сделал глоток из принесённого ею бокала, сказала весело:

– Ну вот, а то уже подумала, что у нас шеф совсем девственник.

Я ответил в духе светского разговора:

– Ну, не весь, не весь.

Она уточнила беспечно:

– Надеюсь. Святой не справится с таким коллективом. А под вашей дланью работа кипит!.. Говорят, у вас потрясающая интуиция. Раньше я думала, что она только у женщин, а у мужчин всего лишь острый, как бритва, интеллект...

Щебечет весело и как бы бездумно, но я чувствовал на себе взгляд её странно светлых, почти прозрачных глаз, смотрит испытующе, словно в самом деле чем-то заинтересовал. Даже, когда подносит к губам край фужера, и тогда поглядывает поверх него с неким вопросом в глазах, будто подозревает не то переодетого марсианина, не то мутанта.

– Мы справились, – ответил я сдержанно. – Интуиция, ин-

теллект, работоспособность... неважно, чего было больше. Взялись за эту тему позже больших компаний за бугром, но догнали на рывке... Как вам здесь?

– Хорошо, – заверила она. – Мне и на старой было неплохо, но там рутина, а у вас обещался прорыв, а я обожаю вызовы.

– Вы не прогадали, – сказал я осторожно. – У нас амбициозный коллектив.

– У амбициозного шефа? – уточнила она. – Вы и сотрудников подобрали сдвинутых. Я заметила!.. Одни Наполеоны. Здорово!.. Сплошное удовольствие. Вы сейчас домой или какие-то планы?

– Домой, – ответил я, ничуть не удивившись, взгляд у неё откровенный. – Хотите предложить компанию?

– Хочу, – ответила она и прямо посмотрела мне в глаза. – Да и вы, как вижу, никак не сбросите с плеч гору, что несёте. Последний месяц все вкалывали, как звери!.. Скажи кому, что спали, уронив головы на клавиатуры перед дисплеями, кто поверит в наше время цивилизации праздности?.. Пойду попрощаюсь. И скажу маме, чтоб не ждала.

Я кивнул, она удалилась, прихватив и мой пустой фужер с подоконника. Хозяйственная, не упускает из виду даже мелочи, с такой нужно держать ухо востро. Кстати, как-то очень многозначительно обронила насчёт того, что скажет маме. Значит, не просто посовокупляемся, а останется до утра. Если не воспротивлюсь.

Присев на подоконник, я пытался понять против я или не против. Мысли текут вялые, расслабленные, отдыхательные, здесь здорово, даже уходить не хочется, хотя завтра с утра работа ещё та, Сизиф бы не захотел меняться.

Здесь все свои, понятные, близкие по интересам, а какое общество может быть лучше?

Здесь мы все одной крови, коллектив, выделяется разве что Марат, да и то чисто внешне, от шеи и подошв сверкает металлом, как будто совсем киборг, хотя заменил только руки и ноги, а всё остальное почти всё своё, только укрыто стальными пластинами.

В противоположность ему Фауст, зав сектором, в приличном, как это называется, костюме, а Марат в короткорукавке и шортах, несмотря на прохладную погоду, похож на уродливого андроида, какими их изображают в фильмах. Это уже хвастовство и вызов, мол, смотрите, ничуть не стыжусь, даже напротив, это же здорово, у вас таких конечностей нет, вы когда ещё поставите, а у меня уже сейчас, я живу в будущем!

Я зябко передёрнул плечами, представив себе, что помешаю когда-то свои конечности на такие, хоть и более совершенные, но не свои, хотя и те будут своими, но всё-таки, всё-таки... Марат вынужден, у него с детства проблемы, близкие к той, от которой умер Хокинг, потому пять лет тому, когда окончательно предписали инвалидное кресло, пошёл на замену отказавших ног на протезы, благо нейролинку первого уровня понадобилось всего полчаса для полного контроля

мозга над сервомоторами.

Ещё через два года, приловчившись к протезам, он вынужденно заменил и руки. Его отговаривали от полной замены, нейродегенерация началась с туннельного синдрома и пока перешла только на пальцы, но он сказал, что не станет дожидаться, когда начнут резать по частям, лучше уж сразу по плечи.

Протезы выпускаются разные, в том числе почти неотличимые по внешнему виду от натуральных, но он установил подчёркнуто футуристические, блестящие хромированным металлом, с тонкими «костями» и массивными шарами шарнирных сочленений, и никогда не укрывает их длинными рукавами рубашек или костюма.

Я поймал себя на том, что всё ещё всматриваюсь, как он ловко хватает, почти не глядя, чашки с кофе, там тончайший фарфор, но металлические пальцы оснащены чувствительными сенсорами, мухе крылышки не помнёт, а конструкция позволяет выполнять больше движений, чем рука из плоти.

Нет, мелькнула мысль, не стану. И ещё долго не стану... Неужели всё-таки консерватор?

Он перехватил мой взгляд, помахал рукой и быстрыми шагами направился в мою сторону, от шеи и подошв сверкающий металлом, как будто киборг с ног до головы, хотя на самом деле заменил только руки и ноги, а всё остальное почти всё своё, только укрыто стальными пластинами, словно у готового к бою терминатора.

Руки и ноги из блестящего металла, ничем не закамуфлированного, словно каждое утро натирает их кирпичом, длинные толстые стержни с выпуклыми шарнирами, внутри микропроцессоры, рукава едва-едва прикрывают места, где металл безжалостно входит в мягкую плоть, ту же роль выполняют и шорты.

– Шеф, – сказал он сильным голосом. – Мы молодцы?

– Редкостные, – ответил я с чувством. – Даже не знаю, радоваться или ужасаться.

Голос у него хороший, звучный, нейродегенерация доберётся и до гортани, но по прогнозам её вот-вот остановят и вообще удалят из перечня болезней, что на сегодняшний день ужасно и помещается на одной страничке блокнота.

– Можно, – сказал он просительно, – займу помещение рядом с моей комнатушкой?

Я спросил недовольно:

– Для чего? У тебя и так целый зал для марлезонского балета.

– Поставлю дополнительное оборудование, – сказал он с некоторой неловкостью. – Сам перевезу и расставлю. Некоторый софт лучше обкатывать сразу, не теряя время на курьеризме.

– Да ладно, – сказал я, – хватай, что плохо лежит. Вообще-то правильное собраться под одной крышей. Под двумя есть риск перехвата данных. Но что-то наверху долго решают.

Он широко улыбнулся.

– Шеф, мы начали перебазировать без всякого приказа!

Я кивнул, до чего же хорошо работать с умными людьми. Без всяких распоряжений и указаний делают то, что нужно, не опасаясь его возражений. Потому что шеф тоже умный человек, молча одобрит. Никаких запретов, но и без глупых поощрений, вместе делаем нужное и великое дело, что улучшает мир, каких бы собак ни вешали на современную науку и технику.

Или хуже, подумалось тревожно. Это как ухитрятся повернуть их работу политики. Науськать так называемую общественность легко, хотя общественность вряд ли науськаешь, а вот толпу запросто. Её, озверевшую от безделья и вседозволенности, натравить можно на что угодно. Только подбрось как бы справедливый повод, тут же выйдут на улицы бить витрины и жечь шины.

В сторонке с Фаустом сцепился в яростном споре Анатолий, даже на вечеринке явно не о женщинах, эти двое в коллективе лёд и пламень, таким не ужиться, но и друг без друга не могут.

Анатолий сперва работал на удалёнке где-то в Белоруссии, но всё же человекам недостаёт живого общения, потому сперва приезжал на конфы, потом перебрался насовсем и теперь использует любую возможность, чтобы задержаться на прекраснейшем месте в мире и повозиться с суперкомпьютером, пытаюсь пробудить в нём ГИИ, а когда охрана вытал-

кивает в шею в конце работы и ставит здание на охрану, всё равно мысленно остаётся в прекрасном, полном магии виртуальном мире цифр и программ.

Подбежала Ежевика, запыхавшаяся и растрёпанная.

– Прощу прощения, – сказала быстренько, – пришлось маму уговаривать!.. Она у меня троглодитевых взглядов. Взяться могу с кем угодно, но в одиннадцать вечера должна быть дома!.. Едем?

Марат с понимающей улыбкой отступил на шаг.

– До завтра, шеф!..

Автопилот подогнал автомобиль прямо к подъезду, на несколько секунд перегородив выход, но я и Ежевика быстро сели каждый со своей стороны, авто резво сорвалось с места, по обе стороны с нарастающей скоростью понеслись навстречу, исчезая за спиной, высотные дома.

Она деловито пощупала мою промежность, сказала понимающим голосом:

– Вино, жареное мясо, острые специи... Гормонально давление растёт! Разгрузить прямо сейчас?

Я запнулся с ответом, такая разгрузка вошла в норму, ещё когда не было автопилотов. Тогда придавало остроту и было неким вызовом, не каждый удержит баранку руля, когда авто идёт на большой скорости. Теперь ради экономии времени вообще вошло в норму, даже незнакомые во время дороги делятся такими простенькими услугами.

– Я не сибарит, – ответил я после паузы, – но и не школь-

ник, чтобы в тесном автомобиле... Через восемь с половиной минут будем на месте.

– Близко живёте, шеф, – сказала она одобрительно. – Хотя на удалёнке удобнее, но что-то есть в живом общении?

– Да, – согласился я. – На удалёнке за жопу не схватишь. А виртуал пока что не совсем то.

Она звонко рассмеялась, я с удовольствием посмотрел в её весёлое личико. Глаза сияют, на щеках умильные ямочки. Вообще показалась чистенькой настолько, что светится изнутри, как наливное яблочко, в котором можно пересчитать все зёрнышки, если посмотреть через него на солнце.

Глаза, мелькнула мысль, как у дешёвой куклы, голубые и ясные, кажется бездумными, слишком уж похожа на тех доллс, что продаются в магазинах не только секс-шопа, как раньше, но теперь везде, даже на автозаправках, хотя там самые дешёвые варианты.

– У тебя хорошая жопа, – сообщил я, – а когда хватают – это комплимент!

Она засмеялась.

– Знаю. Но всё равно даю по рукам. Как бы за харасмент. Но вы, шеф, так и не ухватили! Обидно.

– Доедем, – пообещал он, – ухвачу. Обеими руками. И раздвину.

Она расхохоталась, запрокидывая голову и показывая нежную шейку, а ямочки на щеках стали глубже.

Глава 2

Дверь квартиры на секунду как бы задумалась, впускать или нет, раз уж рядом с хозяином ещё и незнакомая женщина, но ладно, пусть сам разбирается, отщёлкнула запоры и даже приглашающе приоткрылась.

Кошек и женщин пускают через порог первыми, Ежевика вошла, сказала с удовольствием:

– Чего кондишен не включаешь?.. Вегетарианец?.. Что-нибудь холодное есть?

Маечку сразу сняла через голову и лихо швырнула на спинку ближайшего стула. Та повисла точно посередине, словно там её устроил дизайнер после оценки интерьера.

Я коротко взглянул на её чётко очерченные груди, белые на загорелом теле. Не выставляет на солнце, хотя вряд ли из-за стыда, нормальная предосторожность, онкология отступила по всему миру, но не сдалась, ищет новые подходы к человеку, что ухитряется всё ещё увеличивать продолжительность жизни.

Обнажённое женское тело зрелище приятное, но, увы, жгучие тайны растворились в прошлом веке. Сейчас секс всего лишь быстрая гормональная разрядка, его оптимальный вариант давно вычислен, никто уже не ставит рекордов, так что все знают, какими будут фрикции с любым новым партнёром, сколько продлятся и чем всё закончится.

Красные как ягоды малины мелкобугристые соски торчат с вызовом. Я всё же отметил красочную картинку перед глазами, как трогаю их губами, разбухают ещё больше, и я беру их поочерёдно в рот, что значит, секс с Ежевикой всё-таки будет в некотором роде не только нужен, но и почти интересен.

– Пиво баварское и клинское, – ответил я. – То и другое холодное. Выбирай.

Она покачала головой.

– Пива не пью. Вообще обхожусь без алкоголя. А швепса или какой-то сладкой газировки?

Я подумал, направился к холодильнику.

– Посмотрю. Могло остаться, вчера с визитом были родители.

Она ждала, а когда я повернулся от холодильника с бутылкой сидро, сказала одобрительно:

– У тебя правильные родители.

Я вытащил и для себя литровую бутылку пива, сидро передал ей, сам с пивом сел напротив. Сиськи у неё красивые, но такие у многих, теперь за фигурами следить легче, чем даже пять лет тому, так что Ежевика всё же интереснее в роли креативного разработчика, чем как инструмент для гормональной разгрузки.

Даже отхлёбывая из горлышка, она продолжала следить за мною насмешливыми глазами, весёлая и раскованная. Я прочёл в её понимающем взгляде, что уже по-женски про-

считала, в какой момент брошу взгляд на её повисшую на спинке кресла маечку и предложу снять ещё и юбочку.

Предложу, ответил я мысленно. А под юбочкой, конечно же, не окажется трусиков. Всё по накатанной, сценарии давно проверены, негодные отброшены быстро, а годные, но в чём-то шероховатые, ушли следом, остались только удобные для обеих сторон.

– Ежевика, – сказал я, – это имя или ник?

– Так и в паспорте, – заверила она. – Тогда была мода на придуманные имена. Вон как Маск своего сына назвал!.. Мне нравится. У ежевики сладкие ягоды, но колючки...

– Надену перчатки, – пообещал я.

– Вы весь в перчатках, – ответила она серьёзно. – С головы до ног. Это Марат или Влатис всем открыты, а вы, мне кажется, что-то прячете даже от себя.

– Всё прячем, – сообщил я. – Чем человек прячет больше, тем он больше человек.

Она с интересом посмотрела на стену, где по улицам виртуального города бесшумно перемещаются люди и автомобили.

– Тоже полагаете, – поинтересовалась она с интересом, – мы в симуляции?

Я покачал головой.

– С чего это?.. А-а, ну это так, увлекательная игрушка.

– Что-то проверяете?

Я отмахнулся.

– Некогда. Запустил в базовой версии.

– Давно?

– Где-то с полгода. Из вежливости.

Она не стала спрашивать, из какой-такой вежливости, вскинула в удивлении бровки.

Я смотрел, как она танцующей походкой приблизилась к экрану, вглядываясь в лица крохотных фигурок, 8К позволяет масштабировать картинку без потери качества.

– Интересно, – пробормотала с интересом, – интересно. Там изначально встроен квантовый элемент непредсказуемости, потому даже базовая у всех уже через неделю отличается от других очень заметно. Так ничего и не вносили своего?

Я покачал головой.

– Поиграл полчаса, проверяя возможности. Были аддоны, патчи, но уже не вникал. Внимания не требует, ко мне пока не вызывают, храмы с моими иконами или статуями не возводятся, так что пусть живут, как хотят.

Она сказала с упрёком:

– Как можно! Они же люди, хоть и виртуальные. А вдруг и мы чьи-то энпээсы?

– Драконов не вижу, – отпарировал я. – Я бы в виртуальную запустил всяких и разных. Без них что за жизнь?

– А вдруг наша жизнь ещё интереснее?

Я посмотрел на неё с интересом.

– Думаете?.. Хотя, если не по внешним признакам, то у

нас внутри ещё те драконы!.. Но это увидеть непросто. Правда, если мы симуляция, то видят все, это же они заложили программу нашей высшей нервной деятельности.

Она вздохнула, хорошенькое личико чуточку омрачилось.

– Я тоже своих забросила. Сперва увлеклась, проигрывала сценарии, ситуации... Были свои любимчики, им помогала, подбрасывала бонусы... А сейчас просто некогда. Вижу только, что уже не только дома, города начали перестраивать... Что-то странное возводят. Наверное, культовое... Как у вас отношение с Фраерманом?

– Это который альфа-железнячник? – уточнил я. – Неплохие, мы учились вместе. Хотя теперь конкурент. Общается только со своими, там такие же экстремисты, спешат внедрять поскорее даже то, что мы сами ещё не опробовали. Боятся, что китайцы обгонят. Вот смежники и впаривают ему на тестирование совсем сырое железо, но, говорит, перспективное. Если довести до ума, взорвёт всю отрасль!

Она сказала зачарованно:

– Я тоже эта, экстремистка. Так хочется поскорее увидеть чудный мир, к которому нас несёт!.. Но и боюсь. Скорость сумасшедшая, а дорога ухабистая... дальше вообще туман и бездорожье.

– Этого и я боюсь, – признался я хмуро. – В желании примчаться как можно быстрее к финишу легко вылететь на опасном повороте. А ещё и побить все горшки так, что снова в пещеры.

Она сказала авторитетно:

– Это потому, что вы зав самого важного отдела! Ответаете не только за себя. А так бы наэкстремистничали ещё больше. Мы, самки, чувствуем доминантов.

– Я доминант?

– Выше, – определила она. – Лидер!.. Из настоящих. Ничего лишнего, да? У вас и комната не для жилья, а для работы.

Я ответил мирно:

– Мне удобно.

– Ещё бы, – сказала она, и я не уловил сарказма, хотя тот вроде бы должен был ощутиться. – Спальня, лаборатория и мастерская в одном флаконе!.. Настоящий мужской рай. Нет-нет, не ёрничаю!.. Мужчина и должен быть таким. Но таких уже мало.

Я спросил с ехидцей:

– Много пересмотрела?

Она ответила, не задумываясь:

– Много. Скучно люди живут. Одинаково. Не только квартиры, но и люди одинаковые.

– А ты? – поинтересовался я.

Она сделала большой глоток и, держа бутылку в отставленной руке, задумалась.

– Стараюсь... не очень получается, но стараюсь. Когда все одинаковые, трудно как-то... Нам, женщинам, проще, когда можно за кого-то ухватиться и вместе выплыть против тече-

ния. Да, понимаю, я должна быть феминисткой, но дважды два равно четырём, как бы ни хотелось сторонникам равноправия. Вам, самцам, легче. Вы изначально заточены на то, чтобы выстаивать, как утёсы, не сдвигаясь в потоках воды, как бы те ни бурлили и ни набрасывались.

Я ощутил себя польщённым, но пробормотал ради объективности:

– У женщин другие достоинства. Не меньше наших.

– Да, – согласилась она, – но они вне, а не снаружи. Женщины лучше мужчин правят благополучными государствами, но создают эти государства мужчины. А если война или какой кризис, то мужчина справится намного лучше.

– К счастью, – сказал я примирительно, – с войнами вроде бы покончено. Надеюсь. Так что феминизм рулит.

В бутылке оставалось меньше половины, когда она отставила её на столик и, глядя ему в глаза, поинтересовалась:

– Потацишь меня в постель или всё самой?

Я ответил с ленивым спокойствием:

– Я вообще-то сторонник равноправия. Когда груз несут вместе. Как в синхронном плавании.

– В синхронном тоже что-то носят?.. Ах да, новые правила... Хорошо, подождём. Но вообще-то я уже разогрелась.

Я смотрел достаточно равнодушно, как она снова взяла бутылку с ситро, молодая женщина со стандартной фигурой и обычным лицом, сиськи такие у большинства, ну почти не заводят.

Даже если сейчас сбросит и юбочку, под которой нет трусиков, и то как-то фиолетово. Раньше бы застеснялся своего равнодушия, мужчина всегда должен выказывать жажду поиметь и овладеть, это в крови, даже если совсем не хочется, но революция в этих отношениях произошла стремительно и бескровно. Половина мужчин с облегчением объявили себя асексуалами, теперь ничуть не стыдно смотреть на голую женщину и не выказывать стремления немедленно вдуть.

Ежевика чуть улыбнулась, я прочёл в её взгляде, что понимает без всякого нейролинга. Мужские желания всегда слишком простые, если речь о женщинах, но сейчас хоть и усложнились, время такое, однако всё равно понимает, есть и среди женщин умные.

Она сказала с иронией:

– Знаете, что на вашем лице написано?..

Она умолкла, я поневоле спросил:

– Что?

– Не хочется, – сказала она весело, – а надо. Положено! Хотя почему надо?.. Это застарелый мужской комплекс допотопных времён?

– Не думаю, – ответил я, – что придётся себя принуждать. Ты хорошенькая.

– Вам понравится, – пообещала она. – Всем нравится.

Я не все, хотел я ответить, но смолчал, потому что на самом деле и я, как все в этом простейшем деле, где не требуется ни ума, ни высоких знаний, а любой грузчик в душе

демократии на равных с доктором наук.

В самом деле понравилось, Ежевика как-то угадывает, что и в какой момент чувствую, легко подстраивается, не забывая о себе, и закончили случку одновременно бурно и с чувством радостного освобождения.

Она некоторое время лежала на спине, раскинув руки, покрасневшая и с блестящими глазами, даже губы покраснели и вздулись, хотя обошлись без поцелуев, в сексе без обязательств прибегать к ним дурной тон.

Я поинтересовался:

– Пива?

Она покачала головой, глядя в потолок.

– Ситро, если ещё есть. В горле пересохло.

– Лимонад подойдёт?

– Подойдёт. Лежи, я сама возьму.

Я наблюдал, как она легко вспорхнула и, двигая из стороны в сторону маленькими тугими ягодицами, прошлёпала босыми подошвами к холодильнику.

По тому, как уверенно открыла, почти не глядя взяла бутылку лимонада и тут же захлопнула дверцу, понял, что и я недалеко ушёл от «всех». По крайней мере, набор в холодильнике стандартный и всё стоит в привычном для мужчин порядке.

Ну и хрен с ним, подумалось сердито. Ниже пояса мы все одинаковы. Различия начинаются только в коре головного

мозга. Даже не в самой коре, подумавшись, кора, на то она и кора, что кора, а только в неокортексе.

– Что молчишь?

Теперь и она со мной на «ты», так что секс всё ещё ускоряет сближение.

– Да так, – ответил я лениво. – Просто...

Она откупорила бутылку, сунула мне в руку стакан и быстро наполнила.

– Охладись!

– Да мы особо и не разогрелись, – заметил я, – а ты как?

– Всё хорошо, – заверила она. – Коротко и просто. А теперь расскажи, чем занимаешься.

Я вскинул брови.

– Разве не знаешь?

– Только в общих чертах, – сообщила она. – Поговаривают, тебе прочат повышение?

Я покачал головой.

– Выше некуда. Я зав важнейшего отдела, а на административную работу не пойду.

– А новый корпус в Южном Бутове? – спросила она. – Что там будет?.. Институт гудит, что власти выделили семь миллиардов на спешное развитие искусственного интеллекта и двенадцать на ускоренную разработку нейролинки!

– Это политика, – ответил я с достоинством, – учёные гнушаются ею интересоваться.

Она сказала серьёзно:

– Но правят нами политики. И деньги дают они.

Я протянул ей опустевший стакан, она наполнила, остатки вылила в свой, а пустую бутылку опустила на пол у кровати.

Я лениво любовался её ловкими грациозными движениями. Мелькнула мысль, что в одинаковых квартирах с одинаковыми мужчинами проделывала это сотни раз, ощутил даже смутную жалость, что уже не найти в сексе жгучей романтики, таинственности и запретности, что благодаря запретам так украшали это нехитрое занятие раньше.

– У меня прекрасная работа, – заверил я. – А на всё остальное мне... как мудрой вороне в полёте.

– У меня тоже, – сказала она серьёзно. – Это же так здорово, вгрызаться в тайны нейроаксоны!.. И находить моменты, что могут изменить мир! Любые другие радости, вроде секса или бухалова, не могут заменить...

Вообще-то в мире есть и другие радости, сказал я про себя, но смолчал, неуместно было бы сказать такое, лёжа с голой женщиной в постели. Хотя по большому счёту права. Это в мире Дон Жуана не было радостей выше, но тогда секс был связан с мощными инстинктами доминантности. Женщину нужно было принудить отдаться, так это называлось, это считалось большой победой.

Да и было победой: противозачаточных средств не существовало, победа в соблазнении могла привести к ещё большей победе: в семье согрешившей женщины будут растить твоего ребёнка, их род прервётся, а ветви твоего расширят-

ся.

Но равноправие пришло не только в политику и оплату труда, доминантность в сексе устранили, что для большинства мужчин обесценило и сам процесс. Правило хочешь мигнет утром – делай куни вечером, привело к тому, что секс потерял девяносто процентов привлекательности. А то, что теперь в постели нужно думать не только о себе, мужчинам как серпом по известному месту, подчинение правилам свело такое развлечение чуть ли не к нулю.

– О чём думаешь? – спросила она. – У тебя такое вдохновлённое лицо...

– Правда? – спросил я. – Да так... О Дарвине, эволюции, к чему идём...

Она сказала живо:

– О, это интересно!.. Я тоже люблю заглядывать в завтра. Особенно когда стараюсь понять, что натворит наш интерфейс нейролинка.

Я пробормотал:

– Люди ко всему привыкают. Совсем недавно ни компов, ни инета, ни мобильных, а сейчас разве без них жизнь? То же будет и с нейролинком. Ещё и поворчат, что слишком медленно входит в употребление...

– Надеюсь, – сказала она со вздохом. – Ох, как хочется будущего!.. Так и вижу нас бессмертными, молодыми, всемогущими... Всё можно сделать, всё перепробовать, освоить планеты, побывать у звёзд, выйти за пределы галактики

и вселенной...

Лицо её воспламенилось, в глазах огоньки. Я хотел было настроить себя на иронический тон, дескать, это не огоньки, а в пустой тёмной пещере черепа тараканы зажигают костры, но ощутил, что в самом деле хорошо и даже прекрасно лежать с голой девушкой и обсуждать проблемы завтрашнего дня.

Умненькая, вспомнил я слова Фауста. Внешность обманчива, с виду смешливая хохотушка с весёлым и беспечным нравом, но задачи по апгрейду нейролинки щёлкает как орехи, частенько обгоняя даже Марата и самого Фауста, что очень непросто.

– Доживём, – заверил я. – По расчётам, вакцину по остановке старости начнут проверять в конце этого года уже и на человеках. На переход к полному бессмертию потребуется ещё лет пять. Главное, за это время не попасть под... гм... удар метеорита, раз уж автомобилями теперь рулят автопилоты, а они пока ещё не напиваются до потери аккумуляторов.

Она счастливо рассмеялась и прижалась всем телом, положив голову на плечо. И хотя женщины делают так часто, на этот раз ощутил то сладостное чувство доминантности, словно спас женщину из лап опасного зверя и теперь она будет ходить следом послушным хвостиком.

Глава 3

Нейролинк – дело свободное, никто его прямо в квартиру не принесёт и не скажет «нате». Стоит дорого, процедура вживления не такая уж и безболезненная, как уверяют, так что плюнь, вот и всё. Без телевизора обходимся уже не первые годы, а раньше жизни не представляли.

И спокойнее без нейролинка. Меньше знаешь – лучше спишь. Пусть скелеты остаются в своих шкафах.

С другой стороны, нейролинк самая скоростная система передачи информации. Когда-то сообщения пересылали гонцами и почтовыми голубями, потом морзянкой, затем появились телетайпы, телефоны, все устройства совершенствовались, пока не начали вживляться в ушную раковину.

Казалось бы, куда уж лучше? Но нейролинк схватывает и передаёт не только мысленно произнесённые слова, как было в первой версии Илона Маска, но и формирующиеся образы, что важнее. Можно подключиться и совместными усилиями оформить важную гипотезу, обстругать её до теории, совместно легче совершить открытие.

Да и вообще, как уверяют оптимисты, это так здорово, когда мозг открыт, можно свободно читать в извилинах другого человека, а он в твоих...

– Здорово, – согласился Страйдер, мой зав сектором по фотонике, – но стрёмно...

Раньше это место называлось курилкой, просторная такая веранда, опоясывающая двенадцатый этаж научно-исследовательского центра, сюда и сейчас время от времени выскакивают сотрудники глотнуть, как это называется, свежего воздуха, хотя в помещении он чище и свежее благодаря работающей аппаратуре.

На самом деле усталым глазам, постоянно всматривающимся в значки на экранах, нужно время от времени переводить взгляд на что-то общее и далёкое, как вот эти раскинувшиеся внизу на сотни причудливо застроенных кварталов домики, едва заметные среди зелени скверов.

Страйдер блистает киборгностью не только на вечеринках, мы все покорно уживаемся в телах голых по Дезмонду Моррису обезьян, только он заменил варикозные ноги, но у него протезы старой моды, т. е. имитирующие строение человеческих. Не отличишь даже на ощупь, кожа даже с нужным оттенком волос, зато в полости располагаются ёмкие аккумуляторы, не нужна частая подзарядка, как Марату, у которого просто штыри из блестящей вольфрамовой стали, последний писк моды.

Сейчас как бы курят, опершись на перила и рассматривая город, я услышал, как Страйдер обронил негромко:

– Это прекрасно, когда хоть и незнакомы, но оба до безумия фанаты «Спартака». Тогда да, а иначе ой-ой...

Подошёл с пластиковым стаканом горячего кофе Фауст, вздохнул.

– Вот-вот. У меня деньги есть, могу позволить себе последнюю модель, не дожидаясь, когда цены упадут. Но даже мне мандражно...

Понятно, речь о нейролинке. Чем дальше продвигаемся, тем чаще начинаем всерьёз прикидывать, что натворит эта новая технология, когда станет массовой, а раньше как-то не задумывались: прогресс – это круто!

Весь коллектив достаточно молод, но это на моей памяти произошло вторжение на рынок интернета, изменившего мир, кое-кто помнит даже первые домашние компьютеры, тоже был шок, а всё это пустяки в сравнении с тем, какого могучего и непредсказуемого джинна выпустим из бутылки мы...

Вышел «покурить» Фауст, наш самый блестящий аналитик, без его одобрения ни одна идея не запускается в разработку, сам больше похож на топового баскетболиста, чем доктора наук, крупный, высокий, женщины засматриваются, но ему самому свои габариты нравятся не очень, рослые живут заметно меньше коротышек. Любит покушать, особенно налегает на сладкое, так как мозг питается исключительно глюкозой, а если современные питекантропы накачивают мышцы, стараясь выглядеть абсолютными доминантами, то ему нужен мозг, чтобы стать доминантом на самом деле.

Заприметив меня, воззвал патетически:

– Шеф!.. Вот этот железоногий почему-то решил, что все умрём...

– Не все, – ответил я словами священника, читавшего проповедь перед королём Людовиком Четырнадцатым. – Не все... Вон Марат точно не.

– А мозги? – спросил Фауст въедливо.

– Что мозги? – спросил я. – Живут и без мозгов. Будет фанатом «Спартака». Или «Динамо», без разницы.

Марат сказал с неудовольствием:

– Это фанаты «Спартака» без мозгов! А динамовцы ещё с какими... Правда, аккуратно и красиво уложенными в позвоночнике.

– Когда нейролинк запустим в полную мощь, – сказал Фауст мрачно, – все будем жить им. Аккуратно и красиво уложенным. Мир идёт к демократии, а вы что думали?

– В сингулярности какая демократия? – спросил Марат. – Шеф?

Я сказал сердито:

– Давайте сперва приблизимся к Барьеру. Там видно будет, что нас ждёт. Или спросите Кота Баюна.

Он хмыкнул, но тут же вздохнул. Кот Баюн на удалёнке, в самом деле самый продвинутый в этой теме, хоть и поневоле, с рождения куча болезней, в том числе прогерия, это ускоренное старение, не выжил бы, но в детстве вытаскивали на уколах, а когда к юности начали отказывать внутренние органы, пришла на помощь трансплантация из своих же стволовых плюс слегка подправленных.

Но и те быстро старели, так уж запрограммировано, пото-

му пошли на вынужденный шаг и после трёх замен сердца донорскими решились поставить механическое, что всё же нуждается в подзарядке.

Однако с экранов смотрит победно, даже свысока. У его сердца неограниченный срок, да и вообще на вершине хайтека, а вы все тут чернь непросвещённая, копошитесь у подножия прогресса, вы прошлое, а мы вот уже пришли и скоро сметём всех вас, жалкие людишки...

И, конечно, изучает все тренды развития как в медицине, так и во всех областях, что приближают человечество к Великому Порогу, за которым ждёт сингулярность.

– Перекур окончен, – заявил я. – За работу, ленивые твари!.. Кто быстрее вскочит в сингулярность – может захлопнуть за собой дверь!

Через неделю общался на конфе с айтишниками-молекулярниками, с удивлением увидел там Ежевику, сперва не поверил глазам. Вход по приглашениям для продвинутых, неужели она умеет больше, чем выдаёт в моем коллективе, с интересом присматривался некоторое время.

В конце после бурной дискуссии небольшое застолье, общались ещё и в неформальной обстановке. Расходились с неохотой, даже простая болтовня с умными людьми не в тягость. Некоторые успели в перерывах повязаться, Виолетта поимела Марата, а Ежевика вроде бы занималась сексом с Фаустом и Ведмедевым, как показалось тогда, но вроде бы

вязалась без особой охоты, просто шла навстречу соратникам, которым нужно «разгрузиться».

Через неделю встретились на конфе у Батина, пообщались снова. Я пораился, насколько у нас с нею общие интересы, даже формулировки совпадают, вечером ушли вместе и почти до утра бродили по городу, наслаждаясь разговорами так, словно встретились впервые.

Животное начало напомнило о себе дважды, оба раза уступили и наскоро повязались в подворотнях, сбрасывая гормональное давление, и снова наперебой затараторили о наших разработках, донельзя счастливые таким редкостным совпадением взглядов и вкусов.

Когда дошли до её дома, я остановился, посмотрел по сторонам.

– Есть идея...

– Ну-ну? – сказала она задорно. – Вдуть и у двери моего дома? Только не трогай кнопку домофона!

Я покачал головой, не сводя с неё внимательного взгляда.

– Нет, я знаю радость слаще...

– Ой, – сказала она. – Это что, намёк?

– Предложение, – ответил я.

– Согласна, – ответила она, не задумываясь. – Покажи?

Я молча повернулся к проезжей части, вскинул руку, где на миг коротко блеснул огонёк на браслете.

Через пару минут подкатил автобот. Я галантно распахнул дверцу, успев по мобильнику запретить автомобилю делать

это самому, Ежевика юркнула на сиденье и нявкнула весело:
– Что теперь?

Я коротко назвал адрес, авто сорвалось с места, словно им выстрелили из катапульты, улицы под утро почти пустые, скоростной режим меняется в течение суток, мы не помним, зато автопилоты соблюдают, на большой скорости пронеслись на одном дыхании до самого дома.

Будь мы постарше, сперва бы соорудили ужин, по бокалу вина, а то и свечи зажгли, вот уж дурацкий обычай, но до старости ещё не скоро, потому сперва поимелись, а потом, не переводя дыхания, она выскочила из постели, а я лениво наблюдал, как сдёрнула со спинки стула мою рубашку и, набросив на плечи, прошлёпала босыми ступнями на кухню.

В квартире тепло, могла бы и голенькой, фигура позволяется, но в мужской рубашке смотрится миниатюрнее, а ноги в таких случаях как бы длиннее, женщины учитывают все эти важные для них мелочи, даже если и знают язык нижнего уровня, это ассемблер, а не то, что сразу подумает простой человек.

В широком дверном проёме, где никогда не было двери, время от времени мелькает это существо в моей рубашке, хлопает дверка холодильника, потом со стороны импульсной плиты зашипело масло на сковородке.

Я даже услышал, как плюхнулся большой ломоть баранины на раскалённую поверхность, но повалялся в постели ещё малость, просматривая на стене новости из мира хайтека, а

потом неспешно начал искать место, куда зашвырнул брюки.

Как ни странно, ощутил удовольствие от ужина, хотя раньше как-то не заморачивался, что ем и как ем. Утолил голод, и ладно. Главное, что организм получил необходимое количество белков, углеводов и жиров. Значит, можно работать дальше, не отвлекаясь на подзарядку. А сейчас ел и со стыдом чувствовал, что вкусно, лакомо, можно наслаждаться вот так примитивно, словно какой-то сраный Лукулл или Вальтасар, у которых, кроме желудков, ничего и не было.

– Вкусно? – спросила она заботливо. – Меня бабушка учила, но с того времени как-то всё всухомятку.

– Я тоже, – пробормотал я. – Но в самом деле... Бросай нейроформы, иди в повара! Станешь звездой. В шоу будешь выступать, большие деньги зашибёшь.

– Надо подумать, – ответила она серьёзно. – Где-то в глубине каждая женщина хотела бы вкусно готовить, но редкая признается в таком падении. Но если вы, шеф, мою работу программиста оцениваете так низко, то я завтра начну просматривать вакансии в кафешках...

– Твоя тянет на ресторан, – определил я. – Даже высшей категории. Ну, может, не самой, не специалист... Может быть, просто случайно удалось?

– Или вкус у вас приторможенный, – сказала она в тон, – так что, завтра на работу не выходить?

– Пока не найдём замену, – ответил я, – будешь тянуть лямку на скромной и малооплачиваемой работе научного со-

трудника.

Она сказала скорбно:

– Если родина требует...

– Глобалистка, – сказал я одобрительно.

Она вскинула брови.

– Почему?

– Патриот говорит об отечестве, – пояснил я, – а глобалист о родине. Вообще-то в институте все глобалисты. Невозможно работать над нейролинком и не быть глобалистом.

Она зябко повела плечами.

– О нейролинке стараюсь вообще не думать. Как только начну... такие бездны ужаса и мрака! А если копнуть?

– Хорошее воображение, – заметил я, – важная черта научного работника. Ещё в небольшой мере присуще писателям и прочим работникам их исчезающей индустрии трубо-чистов, но для нас без него вообще никуда... Первые же испытания покажут!

Она промолчала, но в её взгляде я видел тревогу. И вообще сидит по ту сторону стола строгая и серьёзная, словно не в моей небрежно наброшенной на плечи рубашке, где хорошо видны небольшие чётко очерченные сиськи с ещё красными и вздутыми от моих губ кончиками.

– Кофе?

– А как без него, – ответил я. – Чего бровки вскинула?.. А-а, мне на ночь можно. Так набегаясь по дисплею, ноги отваливаются. Сплю, как бревно. Можешь проверить.

Она бросила быстрый взгляд на ленточку с часиками на запястье.

– Ого!.. Заболтались. А заскочили только потрахаться.

– Я не храплю, – сообщил он. – И не лягаюсь.

– А я стягиваю одеяло, – ответила она, – и завёртываюсь, как червяк. Но сегодня жарко, обойдусь без одеяла.

Я допивал кофе, когда она поднялась и начала сгружать грязную посуду в моечный агрегат, то есть женские инстинкты есть и у прекрасно работающего с вычислительными системами компиляторщика.

Но права, права, что, когда нейролинк заработает, в ней самой откроются те бездны, в которые боится заглядывать, потому что там совсем другой человек.

Плечи передёрнулись, но я старательно улыбался, пусть не видит, что меня тоже пугает этот неизбежный приход эры нейролинка. Хотим того или нет, нейролинк ворвётся в жизнь людей. Потому лучше успеть первыми, что глупо, но по Тертуллиану верно.

Всё-таки, несмотря на женскую раскрепощённость и «мы равны, нам тоже можно всё», на подсознательном уровне остаёмся в первобытно-общинном.

Во сне либо прижимается к моей спине, а если сплю мордой кверху, то кладёт голову на плечо, а ногу закидывает на моё пузо. Ещё чаще спим ложечкой, то есть подгребаю её к себе, и она уютно и защищённо спит в кольце моих рук, при-

жимаясь ягодицами к низу моего живота.

Эту ночь провели так, словно не было той, когда впервые побывала в этой квартире. И секс хорош, хотя и сейчас провели процедуру случки наскоро, ибо обойтись без неё совсем уж моветонно. Интеллектуальное общение, как Маяковский и сказал, оказалось слаще, хотя так было и в первый раз, но сейчас оба убедились, что тогда не почудилось.

Переночевала, потом следующую и следующую, и получилось так, что почти съехались, так это называется, хотя вещей с собой не притащила, да и кому нужны, когда практически всё можно распечатать в квартире, а что посложнее – в фойе дома, там принтер посложнее.

Я ощутил по ряду признаков, что Ежевика больше ни с кем посторонним не вяжется, да и у меня не было особого желания вдуть каждой её подруге. Все в сравнении с Ежевикой какие-то чужие, а укоренённое желание разбросать своё семя по всему свету за последние полста лет сильно угасло под напором мощной работы неокортекса, тот хоть и с трудом, но уже начал брать под контроль даже самые древние отделы мозга.

Потом я арендовал для жилья квартиру не роскошную, но просторную, чтобы было куда повесить четыре экрана на все стены главной комнаты. На одном почти безостановочно идёт последняя версия симулятора городской жизни, а на трёх мы с Ежевикой принялись отрабатывать программное обеспечение для нейролинка третьего уровня, я даже набро-

сал примерную схему четвёртого.

Ежевика, у которой с финансами не настолько весело, как у начальника крупнейшего отдела, с радостью погрузилась в такую хайтековскую роскошь.

Над задачами работали голова к голове, буквально понимая друг друга с полуслова и даже с полувзгляда. Когда Марат ляпнул, не подумав, что нейролинк Маска уже доказал пригодность и в передаче мыслей, пусть пока ещё только чётко проговариваемых и с артикуляцией, она сразу загорелась идеей применить, это же такие возможности в работе.

Я поймал себя на том, что чаще слушаю её счастливый щебет, не особо вдумываясь в смысл, хотя говорит дело, быстро разбираясь в постоянно возникающих проблемах.

Заслуга нейролинка уже в том, что первая же версия подняла на ноги сотни тысяч парализованных по всему миру. Уже за это можно ставить золотой памятник в полный рост, а сейчас по всему миру заканчивается разработка второй ступени, станет возможным прямая передача мыслей из мозга в мозг. Правда, для этого нужно мысленно чётко проговорить её про себя, без этого чип в черепе получателя не воспримет и не расшифрует, потому второй этап развития остался почти незамеченным.

В самом деле, если сидим в одной комнате, то проще сказать по старинке вслух, а если нужно сообщить на другой конец города или в другую страну, то мобильник на что?

Но как в институте, так и по всему миру ускоренно идут

работы над усовершенствованием программного кода, обещают вот-вот и третий этап, когда не потребуется мысли оформлять так уж педантично чётко.

К тому же ещё в первой фазе обнаружилось, что легче всего чип передаёт не столько мысленную речь, как простые эмоции, и вот тут оказались неожиданные неприятности.

Даже у сработавшихся годами коллег иногда возникает мысль: «Да что за дурак, опять не понимает», «Ну и дебил, я же сказал чётко», «Опять я пашу, а он курить пошёл», но наяву почти никто такое не высказывает, а вот нейролинк у особо чувствительных начал выдавать это в первую очередь.

Конечно, не отбирает их нарочито, просто негативные мысли несут более яркий эмоциональный заряд и улавливаются легче, но при всём понимании процесса это вызвало ссоры, а кое-где и распад давно сложившихся коллективов.

Сегодня утром едва вбежал на второй этаж своего института, почти наткнулся на Марата, тот нарочито лязгнул конечностями, словно прищёлкнул каблуками, шлагбаумно вытянул длинную уродливую руку, загораживая дорогу.

– Стоп-стоп!.. Звонил генерал. Сказал, дело не срочное, но, как только появишься, просил тебя зайти. А это значит, лети со всех ног, всё равно опоздаешь.

– Понял, – ответил я озадаченно. – Уже бегу.

Генералом про себя в институте зовём директора, хотя тот никакой не генерал, пусть даже некоторое время работал на

военных, но выправка, строгий вид и властный голос привели к тому, что теперь только генерал, а остальные так, штатские штрафирки.

В институте поговаривали, что директор вообще-то доктор бронетанковых наук, но я проверил, ничего подобного, доктор по биологии, ряд солидных работ, а что работал и над военными разработками, так время такое, страну защищает не только пехота со штыковыми лопатами.

Образ военного закрепился за ним скорее потому, что Бронник всегда прям, как мачта на корабле, плечи развёрнуты, чувствуется выправка чуть ли не кадрового военного, разговаривает короткими чёткими фразами, никогда не вдаётся в витиеватые объяснения, да и других обрывает, предлагая выразить мысль кратко и чётко.

Прикидывая вариант, зачем мог понадобиться, я прошёл через приёмную, где секретарша Агнесса мило улыбнулась широко накрашенным ртом и взглядом указала на дверь кабинета.

Я откашлялся, чтобы голос тоже звучал чисто и звонко, как боевая труба на побудку, переступил порог.

Директор как раз выравнивал на полке книги по размеру от левофлангового до правофлангового, обернулся, на лице ничего не отразилось, но шагнул навстречу с приветливой улыбкой и протянутой рукой.

– Рад видеть в добром здравии, Артём Артёмович.

– Спасибо, Сергей Павлович, – ответил я. – Что нам сде-

ляется.

– Не скажите, – возразил он. – Говорят, вы и ночуете в лаборатории, чтобы больше успеть?

Я развёл руками, он жестом указал на кресло у стола, сам обошёл и сел по ту сторону на место руководителя.

– Это нечасто, – ответил я после паузы. – Только когда припекало.

– Работа программистов непредсказуема, – заметил он, – но вы единственный, кто всегда укладывается в рамки поставленных задач.

– Пока получается, – ответил я со всей неприсущей мне скромностью. – Задачи без особенных неожиданностей. Хорошо бы, чтоб так и дальше.

Чувствую себя неуютно, директор рассматривает испытующе, явно жалеет, что нейролинк ещё не на той стадии, чтобы читать мысли.

Взгляд суров, лицо каменное, и когда заговорил, голос прозвучал строго и по-деловому:

– Вы знаете, в Южном Бутове по заказу Академии наук заканчивают строить большое здание? Идут отделочные работы. По новым технологиям, супер-пупер и всё такое.

Я ответил настороженно:

– Слышал. Расширяемся. Хоть в чём-то науку не ужимают в интересах шоу-бизнеса.

Директор продолжил тем же тоном:

– Планировали филиал, но в Академии наук решили, це-

лесообразнее создать отдельный институт биоинформатики.

Я сказал радостным голосом, как от меня и требовалось в данном случае:

– Наконец-то!

Директор кивнул, не сводя внимательного взгляда.

– И передать туда все работы по нейролинку, что вас касается непосредственно. Как технические, так и разработки софта. Постараемся собрать не только из разных уголков Москвы, но и отовсюду... куда дотянемся. По крайней мере, целесообразнее иметь единый центр. Часть ваших работников трудятся удалённо?

– Даже в других странах, – подтвердил я с чувством нарастающей опасности. – У меня моих людей заберут?

– Напротив, Артём Артёмович. Напротив.

– Простите...

Директор пояснил, по-прежнему не сводя испытующего взгляда:

– На коллегии предложили вашу кандидатуру на пост руководителя. И большинством голосов прошла. Я пользуюсь правом первым поздравить вас... нет, пока только сообщить, что вы отныне директор этого уникального центра.

Я замер, донельзя ошарашенный, промямлил:

– Без меня меня женили?..

– Вы не станете отказываться, – сообщил директор почти отечески. – Если, конечно, желаете успеха вашему делу. Кроме вас рассматривались кандидатуры Явольского и Корот-

ченко. Коротченко отпал почти сразу, причину знаете, но с Явольским ещё повозились. Он менее чист, и квалификация заметно уступает вашей, но... как бы поделikatнее, готов на всё, чтобы подняться на следующую ступеньку.

Я дёрнулся, Явольский всему институту известен как решительный карьерист, всё отдаст, чтобы, распахав коллег локтями, подняться по трупам к должности.

– А что вся его грязь станет известна? – спросил я.

Он ответил равнодушно:

– Пусть у него перверсий больше, чем у нас всех, вместе взятых, но спецслужбы интересуется только, станет ли работать на разведку противника. А его странные половые забавы могут использовать против него же, хотя даже они теперь пустячок. Подумайте, Артём Артёмович. Полагаю, под вашим руководством новый институт быстрее добьётся успеха.

Я пробормотал:

– Нужно подумать, хотя, понимаю, предложение лестное и крайне почётное.

– До завтра, – ответил он с сочувствием. – Сейчас всё ускорилося, Артём Артёмович. Если завтра в это же время не подтвердите согласие, Явольский колебаться не станет.

– Понял, – ответил я, – но желание даже Явольского меня не подтолкнёт, если это что-то нарушит в моей работе.

– Вы кремень, – сказал он с уважением. – Старой закалки.

Я подумал мрачно, что «старой закалки» теперь больше оскорбление, чем похвала, хотя сам директор так не считает.

Он сам как раз старой, надёжной и добротной, слово всегда твёрдо, сам прям и честен. Уж его возможности нейролинка пугать не должны точно.

– И ещё, – сказал он, словно только что вспомнив, хотя, как показалось мне, придерживал под конец, – там будет отдел по сохранению секретности. Увы, так надо. Сейчас целый ряд силовых и прочих ведомств пытаются подмять работы по нейролинку по соображениям государственной безопасности... Пока человечество разделено на страны и народы, такое распыление средств и дублирование работ будет. Всё ещё будет.

Я вздохнул.

– Скорее бы воссоединиться.

– Да, скорее бы, – согласился он. – Но это желание учёных, а простые люди всех стран честно и совершенно искренне жаждут вцепиться в глотки соседей. На уровне стран и блоков. Все с благими целями и намерениями, как же иначе!

– Словно у простых они есть, – сказал я горько. – Сергей Павлович, я понял. Как всегда, отстали, как всегда, на рывке, надрывая жилы, а теперь догнать и обогнать. Потому и такие деньги! Надеюсь, не у сирот отняли...

– И полномочия, – уточнил он с подъёмом в голосе, не слушая моих опасений. – Будете царь и бог. Никаких стеснений! Только быстрее выдавайте результаты. Конечно, контроль за вами, как же без него, но контроль – не вмешательство. Помните, если удастся с нейролинком, ваше желание

будет исполнено!

Я уточнил с опаской:

– Какое? А то у меня с желаниями...

– Народы сольются, – сказал он очень серьёзно. – Будет единое человечество... с единым правительством. Будет даже не правительство, с нейролинком необходимость в нём отпадёт, а полное и прозрачное координаторство. Проникнитесь!

Я в самом деле ощутил, как дрожь пробежала по телу. Страшновато чувствовать такую ответственность, до этого всегда был за чьей-то широкой спиной.

Он как будто прочёл мысли, сказал отечески:

– Пора, Артём Артёмович, пора. Тесты показывают, вы созрели для роли руководителя чего-то большего, чем ваша великолепная команда разработчиков. Пора брать груз потяжелее. В этом счастье настоящих людей.

Я пробормотал:

– Если вы так считаете... Но всё же будут проблемы с силовыми структурами?

Директор отмахнулся, как от комара.

– С силовиками как раз не будет.

– А с кем?

Он вздохнул, развёл руками.

– Чувствуете, что обязательно будут?.. Ну как же без этого... Не одно, так другое. Сейчас все, как вы знаете, взялись за этику. Даже дворники о ней талдычат в соцсетях. А се-

ти оказались грозным оружием!.. Что уж говорить о политиках? Защищая от нас этику, так они преподносят своё копошение, делают карьерку...

Я изумился:

– От нас?

– Так они объясняют, – пояснил он. – Защита этики... то есть этических принципов, на которых базируется наша цивилизация, очень доходное дело. Тем более что это мы и атомную бомбу придумали, и ГМО, и океан загрязняем...

– Ну да, ещё бы...

Он подумал, всё ещё рассматривая меня как бы заново, произнёс, всё ещё не отрывая от моего лица взгляда:

– Есть ещё одна загвоздка, Артём Артёмович...

Я насторожился, директор что-то мнётся, недоговаривает, но сейчас, похоже, должен сказать нечто такое, что и самому не нравится.

– Слушаю, Сергей Павлович.

Он сказал со вздохом:

– На вас ляжет... будет возложена огромная ответственность, Артём Артёмович. В первом транше вашему институту перечислят полтора миллиарда долларов, решение уже принято. Во втором восемьсот миллионов, но это ещё не точно.

– Ого, – сказал я обрадованно и вместе с тем испуганно, – такие деньги выделялись разве что машиностроению! Когда поднимали его с колен. И на лунную программу вместе с ле-

доколами...

Он чуть наклонил голову, не сводя с меня взгляда.

– Мы отстали не только с ледоколами. наших софтовиков обогнала сперва Индия, потом Бангладеш, а сейчас даже Оман, только представьте себе, уже впереди... Правда, в других областях мы многократно нарастили мощь, наши возможности пугают партнёров за кордоном, что хорошо и что плохо. В общем, у нас задача догнать мировую науку и в этой отрасли, иначе сомнут. У вас – особенно. Но большие возможности влекут за собой и огромную ответственность, как уже сказал... или ещё не сказал?

Он снова, как мне показалось, слегка замялся, что совсем не похоже на генерала бронетанковых войск.

– Это понятно, – согласился я. – Но в этой области что-то новое?

Он сказал со вздохом:

– Да. Помимо того что ваша квартира будет усеяна микро-видеокамерами, что для вас не новость, вам придётся в некоторых случаях открывать своё сознание полностью... Ну, на том примитивном уровне, что позволяет нейролинк, а потом... потом в самом деле. Не для всех, конечно. Но так как вы отныне имеете доступ к секретным разработкам...

Я ощутил, как по коже прокатило жаром, словно я оказался перед жерлом открытой печи. Директор смотрит с сочувствием, всё понимает, скоро эта судьба ждёт всех. Армия хайтека движется вперёд, но первый ряд обычно гибнет, вы-

живают немногие, что и становятся лидерами для сибирских дивизий.

– Сознание? – переспросил я, стараясь держать голос ровным, но сам ощутил, как в нём проскальзывают хрипловатые нотки страха и неуверенности. – Но нейролинк пока не в силах отделять то, что говорит сознание, от того, что требует наша кистепёрость.

Он вздохнул, в его запавших глазах я прочёл полное понимание и глубокое сочувствие.

– Я понимаю, – проговорил он и наконец-то опустил взгляд. – Но что делать? Ждать нельзя. В интересах, как говорится, общества придётся пожертвовать частью личной жизни. Проявить по старинке сознательность.

Мне почудилось, что хотел сказать не то «Отечества», не то «страны», но об отечестве говорят крикливые суперпатриоты, а о стране те, кто её ненавидит, потому выбрал вроде бы нейтральное слово, хотя к нему тоже можно придраться, настоящее общество – это человечество, от него какие секреты?

– Сергей Павлович, – произнёс я как можно спокойнее, хотя внутри всё прыгает и ходит на ушах, – я хорошо всё обдумую. И завтра дам ответ.

Он произнёс, как мне показалось, с облегчением:

– Артём Артёмович, я раньше и представить не мог, какую огромную и, безусловно, важную роль играет жульничество в общественной жизни великих народов!.. И только теперь,

когда знаю почему и как на самом деле в нашей стране... и вообще в мире, я страшусь прихода нейролинка третьего поколения! И в то же время знаю, надо.

Я спросил слабо:

– И что же...

– Продолжать работу, – сказал он резко. – А что ещё? Несмотря на бездны, что откроются. Прогресс не остановить, даже не затормозить... хотя уже почти согласен задержаться на каком-то полустанке, чтобы перевести дух. Остаётся верить, что Большой Адам знает, к чему стремится.

Я пробормотал:

– Он начал раскрывать наши тёмные стороны, ещё когда о нейролинке и не думали... И сокращать население начал уже давно. Надеюсь, он всё рассчитал и держит под контролем.

Директор кивнул.

– Думаю, ему вряд ли восхочется вернуться в пещеры... хотя кто его знает? Вдруг решит попробовать ещё раз. Ладно, жду вас завтра с окончательным ответом. Надеюсь, примете правильное решение.

Я молча поднялся и деревянными шагами направился к выходу.

Глава 4

Агнесса вскинула взгляд крупных голубых глаз навывахе, привсталла, наклонившись над столом так, чтобы в глубоком вырезе платья я увидел её груди целиком.

– Артём Артёмович, наш шеф велел собрать для вас некоторые материалы...

– Не помешают, – пробормотал я, – хотя не представляю ещё, что именно понадобится.

Её груди чуть колыхнулись, чиркая красными сосками по тонкой ткани блузки, я невольно представил, как подставляю под них ладони, чтобы ощутить плотную горячую тяжесть.

– ...Но директору виднее.

– Он всё продумывает, – согласилась она и, наклонившись к нижним ящичкам, начала рыться. – Стратег...

– Ему положено, – ответил я вежливо, в мозгу во всей красе развернулась цветная картинка, в которой эта секретарша ещё и чуть раздвинула ноги, платье уже заброшено ей повыше, почти на голову, крупные снежно-белые ягодички хороши, чётко очерчены, оттопырены и приподняты, анус наверняка горячий и плотный, воображение моментально показало, как бы вдул прямо тут, на столе, красиво удерживая ноги кверху, а потом разводя в стороны, потом сразу в рот, это норм, вряд ли обидится. – У вас кандидатская по психологии?

– Психиатрии, – уточнила она.

А ведь нарочито наклоняется таким образом, мелькнула мысль, да ещё и двигает задом. Самые древние отделы мозга никогда не уступают первенства, разве что в глубокой старости отойдут на задний план, но сейчас воображение, доставшееся даже не от питекантропов, а вообще от лесных тварей, дало яркую картинку, как прижимаю эту кандидатшу к полу и зверски насилую в зад. Ужаснулся, никогда в жизни не прибегал к насилию, даже в ролевых играх, и вообще это для извращенцев, любое принуждение мерзко, почему же такие вот да ещё в эмоциональных красках?

– Сейчас отыщу, – сказала она.

– Не спешите, – сказал я великодушно.

Воображение дало картинку, как она забралась под канцелярский стол, едва поместившись там с её объёмами, и униженно сосёт оттуда, а я печатаю на клавише, внимательно поглядывая на дисплей.

– Наконец-то, – сказала она обрадованно. – Зачем я сунула в нижний ящик?.. Догадывалась же, что понадобится скоро!

– Спасибо, Агнесса, – ответил я поспешно. – Наш директор очень предусмотрителен. Уверен, работать с ним одно удовольствие. Во всех отношениях.

Она загадочно улыбнулась, я подумал, что у нас мелькнула одна и та же картинка, как директор использует её сочное тело для половых нужд, поспешно откланялся и вышел в ко-

ридор, придерживая папку.

Это сейчас, проговорил себе с сильнейшим стыдом. А когда заработает нейролинк в полную силу? Как вообще людям в глаза смотреть, когда мозг транслирует такое? Хотя вешайся.

Правда, оказавшись на своём этаже, выбросил из головы эту хрень, не интеллигент всё-таки, новое назначение поворачивал так и эдак, рассматривая как сбоку, так и снизу. Вопрос принимать или не принимать вроде бы неуместен, просто запросил время подумать, чтобы ещё раз посмотреть со стороны.

Быть директором, конечно, здорово. Царь и бог, но это значит резко ограничить свою исследовательскую работу. С другой стороны, можно её переложить на рядовых исполнителей, разбив на части. В любой творческой работе слишком много чёрного труда, пятеро сотрудников сделают её быстрее, чем я один, а мне можно тем временем подумать о следующем шаге.

Шествуя вдоль рядов с айтишниками, сделал крюк, чтобы пройти мимо стола, где Ежевика разрабатывает программу по нивелированию помех в облачных вычислениях восьмого порядка.

Издали показалась светлым лучиком в полутёмном зале, а когда подошёл ближе, а она вскинула голову и улыбнулась, сказал себе, что это вот и есть нечто чистое и одухотворённое.

Пару столетий тому сочли бы распущенной дрянью, но тогда телу придавали слишком большое значение, а сейчас: «Богу – Богово, Цезарю – Цезарево». Тем более что даже самые тупые и консервативные уже видят, как быстро человеческое тело в прежнем виде уступает, хоть пока и по частям, неорганике. Стоит только посмотреть на Марата, а кроме него даже в нашем институте есть и покруче, что продвинулись в замещении презренной плоти на благородные сплавы куда дальше в рискованные и неизученные области.

– Шеф? – сказала она чисто и трепетно, брови поднялись в радостном ожидании.

– Работай, негра, – буркнул я и пошёл дальше.

До конца рабочего дня поворачивал идею директорства так и эдак, уже не сомневаюсь, что приму, только старался понять, как справляться с громадиной, когда в одном здании окажутся и софтовики, и железячники, что вроде бы одна команда, только запросы частенько противоположные.

Мою озабоченность заметили, но деликатно делают вид, что всё норм, только Ежевика ровно в шесть часов вошла в кабинет, постучала ногтем по браслету с часиками на руке, намекая, что пора покидать рабочее место, а то штрафы нас совсем разорят.

– Шеф, – сказала она ангельским голосом, – если что нужно, только свистните!.. Мы все сразу явимся.

– Без вас тошно, – буркнул я, взглянул на неё вниматель-

но. – Чего такая весёлая?

– С вами общаюсь, – ответила она тоненьким, как у анимешного персонажа голоском, – разве это не радость?..

– У меня туго с юмором, – предупредил я, – за такое издевательство и придушить могу.

– Хорошо, – согласилась она. – Угостите ужином, тогда и душийте, ладно?

Я подумал, кивнул:

– Если ты не слишком прожорливая, то ладно.

– Как птичка, – заверила она. – Самая мелкая!

Я поднялся, с чувством потянулся, разминая застывшее тело. Она сняла со спинки кресла мой пиджак и растопырила, предлагая сунуть руки в рукава.

– Оставь, – сказал я. – День тёплый, а тут никто не сопрёт.

– Не сопрут, – подтвердила она. – Такие носили ещё мои дедушка с бабушкой. Кому такой нужен?

– Мужская мода консервативна, – напомнил я. – Мы народ основательный. Это вы обезьяны в перьях.

Вышли вместе, воздух на улице жаркий, я даже рукава подвернул повыше, увеличивая площадь для впитывания солнечных лучей, что производят в коже ценные витамины.

Она огляделась, щурясь от яркого солнца, воскликнула радостно:

– Вон там мороженое! Лучшее в нашем районе!

– А за мороженое тоже можно придушить? – осведомился я на всякий случай.

– За такое можно, – заверила она счастливо. – Даже дважды.

На этот раз привычный секс тянулся дольше, проходил спокойнее, а когда всё закончилось, я продолжал держать её в объятиях, наслаждаясь непривычным чувством умиротворения и покоя.

Она же, едва отдышавшись, уткнулась лицом в плечо и спросила тихонько:

– Это что же... мы занимались любовью?

– Нет, – ответил я как можно обыденнее, – просто трахались.

Она помолчала, потом произнесла совсем шёпотом:

– А-а...

Мне почудилось в её голосе некоторое разочарование, промолчал, сама знает, какие именно гормоны побуждают к сексу, даже к беспорядочному.

Она отодвинулась и, лёжа на спине, поинтересовалась:

– Мне казалось, ты не энтузиаст нейролинки. Тогда почему возглавил отдел перспективных разработок?

Я ощутил облегчение, ещё не забыл время, когда женщины после секса обязательно интересовались, хорошо ли партнёру было, и приходилось врать, что просто восхитительно, лучше не бывает, теперь же в сексе тайн не осталось, все знают, что хорошо, что не очень, а что вообще ни в вагину, ни в Красную Армию.

– Потому и возглавил, – ответил я буднично. – Скептики непригодны, а энтузиасты опасны.

– А ты посредине? Ни рыба ни мясо?

Я ответил ровно, игнорируя подколку:

– Вижу плюсы и вижу минусы. Но прогресс не остановить, нейролинк всё равно будет. Или что-то подобное. Но мы можем сделать как злее и опаснее, так и человечнее. Потому и.

– Хочешь сделать злее, как вон требует Анатолий, или, ахах, с человеческим лицом?

Я покосился на её обнажённое тело. Лежит совершенно свободно поверх простыни, ничуть не рисуется, уже почти забыла, что только что был бурный секс, хотя вообще-то права, что в нём особенного, со всеми партнёрами одно и то же, но здорово, что переключилась так быстро. Раньше с голой женщиной о проблемах науки говорить было бы дурным тоном, как пить пиво прямо из бутылки или разговаривать с женщиной, держа руки в карманах.

– С человечим, – ответил я. – Мы всё стараемся делать с человечим, а что получается, то получается.

– Может, – сказала она, – лучше было бы поручить Анатолию?.. Он энтузиаст, всех бы бросил на прорыв...

– Он бы добился чуть раньше, – согласился я, – но руководство института у нас осторожное. Дескать, нельзя добиваться результата, не просчитав последствия.

– А ты такой, что всё учиываешь?

– Стараюсь, – ответил я скромно. – Не люблю неожидан-

ностей.

Она повернулась к мне лицом, облокотившись на локоть, острые груди нацелились острыми алыми сосками.

– А у нас... всё ожидаемо?

Я хотел сказать комплимент, но ответил честно:

– Конечно. Мы в одном коллективе!.. Рано или поздно и до меня бы дошла очередь.

Она обиженно фыркнула.

– Ну ты совсем меня сдвинутой считаешь!.. Я здесь полгода, и за всё время по пальцам можно пересчитать, с кем имелась. Даже разуваться не придётся!..

Я великодушно отмахнулся.

– Это не важно. Я человек скучный, если до меня дошла очередь, то понятно, с другими ты уже задремала.

Она посмотрела внимательно.

– Ты не скучный. Ты... основательный. Такие мало острят, потому не блещут в компаниях, где все на ха-ха и гы-гы. Но мы, женщины, таких замечаем сразу.

– Гм, – сказал я, стараясь не показывать виду, что польщён, – чё, правда?

– Намекаешь, – спросила она, – почему не сразу полезла на тебя обеими ногами?.. Не поверишь, хотела, но как-то оробела, представляешь?.. А уже потом, когда в коллективе увидела, что ты не такой уж и ледяной принц, каким казался, начала подлещиваться к тебе и под тебя.

– Правда? – повторил я в изумлении. – Чёт не замечал.

– А что вы, мужчины, замечаете?.. Я старалась, из кожи лезла!

Я посмотрел с подозрением, говорит слишком серьёзно, только в глазах весёлые искры, слова врут, глаза говорят правду, а нейролинк скажет и то, что под правдой.

– Брехло, – сказал я с неудовольствием. – Ничего, вот запустим интерфейс в полную мощь, не спрячешься!..

Она с самым независимым видом повела голыми плечами.

– Запустите? А как же непредвиденные трудности?.. Я слышала, чем дальше, тем глыбже!

Я поинтересовался с подозрением:

– Трудности производственные или политические?

– А что, есть и политические?

Я буркнул:

– Других не вижу. Если понимать под политикой движение всяких отморозков с высшим образованием. Они настоящие тормоза в обоих смыслах.

– Ты о ком? О движении этиков?

Я поморщился.

– Этика – школа научного невежества. Раньше таких болтунов на любые темы называли диванными экспертами, сейчас это считается оскорблением и карается штрафом. Но суть не изменилась. Сейчас на их диванном уровне модно говорить о культуре, которую гнобит развитие науки.

Она уточнила:

– Чрезмерное, как они говорят. Чрезмерное развитие.

Мелодично прозвучала мелодия из песни неаполитанских партизан, я насторожился, шёпотом велел помалкивать, влез в шорты и, соскочив с постели, сказал быстро:

– Левый экран! Связь.

На стене слева крупным планом появилось лицо Бронника. Ежевика затихла, в кадр не попадает, хотя чё такого, голая женщина в постели это же такая проза, но всё-таки директор человек старорежимный, а любые взгляды надо уважать, если не вредят ей и обществу.

Бронник посматривает в объектив камеры серьёзно, все в институте знают, директор обычно пользуется голосовым звонком по старинке, справедливо полагая, что незачем привлекать всю мощь хайтека, когда можно решить проще.

Сейчас он в директорском кресле, несмотря на позднее время, оттуда обычно ведёт видеоконференции, строгий и монументальный, но мне показалось, что в глазах директора промелькнуло нечто вроде то ли смущения, то ли чувства вины.

– Артём Артёмович, – сказал он вместо «здравствуйте», – простите, что помешал отдыху. Через часик у нас будет работник из курирующего нас ведомства, хотел бы встретиться с вами.

У меня дрогнуло сердце, а в животе похолодело.

– Из курирующего... из того, которое не любим упоминать?

Директор усмехнулся.

– Точно сказано. К счастью, не вмешиваются, но зато финансируют весьма так. Это по их запросу выстроено отдельное здание и выделено дополнительно триста миллионов долларов!

– Еду, – ответил я коротко. – За триста миллионов и в ад к самому чёрту съезжу.

Директор сказал одобрительно:

– Из вас получится хороший руководитель коллектива.

Связь оборвалась, я, уже не замечая Ежевику, машинально отыскал рубашку и влез в неё. Во внутренностях всё ещё неприятный холодок, хотя эти службы есть в каждой стране, и частенько именно от них зависит, выживет ли общество, но в соцсетях нагнетается страх и ненависть к людям этой профессии, и даже когда понимаешь это, всё равно в этот момент ты тоже толпа.

Ежевика спросила тихонько:

– Что за триста миллионов?

– На карманные расходы, – сообщил я. – Но остров на Канарах покупать не дадут. Зато суперкомп из топовой десятки... пусть даже из сотни, можем приобрести. Извини, нужно ехать.

Глава 5

В здании института пусто, пришлось на входе ввести личный код, это будет отмечено, что такой-то являлся в неурочное время, вот запись, быстро поднялся на этаж к директору.

К моему удивлению, в приёмной Агнесса на своём месте, заинтересованно смотрит в экран, вряд ли там мылодрама, скорее дендриды вступают в интимную связь с аксонами, это куда интереснее для думающего человека, а она, несмотря на её зовущую внешность секс-бомбы, очень даже не глупа.

Мне улыбнулась приветливо и так поощряюще, что я уже увидел, как расстёгиваю ей блузку и приподнимаю в ладонях горячие тяжёлые сиськи.

– Директор задержался ради вас, Артём Артёмович!

– Ценю, – ответил я, – вам тоже пришлось из-за меня... с меня причитается.

– Сочтёмся, – ответила она томно.

Я вошёл в кабинет, директор за столом поднял на стук моих шагов голову.

– А, Артём Артёмович!.. Товарищ только что прибыл. Вы могли вместе подниматься в лифте.

Сесть не приглашал, я спросил:

– Разве у них тут нет своего отделения?

Директор усмехнулся:

– Это слухи. Но комнату для беседы вам предоставят...

Агнесса, проводи товарища Тютюнникова!

Я послушно вышел за нею, она красиво двинулась вперёд по коридору, покачивая широкими бёдрами с кокетливо вздёрнутым задом, у нужной двери подождала и, словно бы нечаянно прижавшись тёплым боком и пышной горячей грудью, промурлыкала:

– Артём Артёмович... вы так меня и не попользовали! Обидно даже.

– Да всё на бегу, – сказал я, оправдываясь, – вся жизнь на бегу.

– Уж выберите когда-нибудь минутку, – сказала она. – Или за минутку не успеете?..

Умница, подумал Я. Видит, что я встревожен, старается снять напряжение, у неё же степень по психологии, хорошая работа. Я уже представил, как кладу её на спину и задираю эти полные белые ноги, и тут же ощутил, как зажатость отступает и рассеивается, как туман.

Она с понимающей улыбкой распахнула дверь.

– Прошу. Вас уже ждут.

В комнате только обшарпанный канцелярский стол и два таких же стула, в приличных учреждениях давно бы выбросили, но в институтах живут не так богато, как в банках, хотя должны бы.

Из-за стола поднялся мужчина заурядной внешности, которого я скорее бы принял за таксиста, чем за особиста.

– Артём Артёмович? – спросил он. – Я Говдин, прислан

поговорить с вами. Есть некоторые пункты в договорах, которые не вносятся, но их либо берутся поддерживать, либо отказываются.

Мы обменялись рукопожатием, я уточнил:

– И тогда договор аннулируется?

– Не всегда, – ответил особист уклончиво. – Иногда остаётся в силе, но... с ограничениями. Присядьте, я введу в курс дела.

Я опустил в кресло, Говдин сел напротив, прямо посмотрел ему в глаза.

– Мы знаем о ваших опасениях насчёт нейролинка. Ничего оригинального, такое у всех, кого знаю. Разве что в разной степени. Я тоже, кстати, даже по ночам вздрагиваю, как только подумаю... В общем, самый главный довод, Артём Артёмович...

Он умолк на миг, продолжая всматриваться в меня холодными рыбьими глазами.

– Слушаю, – сказал я сдержанно.

– От вас, – сказал силовик, уточнил тут же: – В том числе и от вас будет зависеть, как дальше пойдут дела с чтением мыслей, как говорят в народе.

Я уточнил:

– Насколько?

– Насколько сумеете, – ответил он безжалостно. – Софт наперегонки разрабатывают во всех странах. Кто успеет первым, тот... успеет всё. У вас будет вся необходимая аппара-

тура, финансы... только команду вам подобрать не сможем. Да и подсказать, увы, как стать первыми, никто не в состоянии. Но у вас карт-бланш, если понимаете, о чём я говорю.

Я смолчал, как не понять, уже все только и говорят, что Китай на этом поле обогнал те же Штаты как раз потому, что не заморачивается этическими проблемами. Пока в мире жевали сопли и глубокомысленно рассуждали в духе французских просветителей о допустимости и недопустимости в этом скользком плане, Китай решительно ставил эксперименты, победа всё спишет, о неудачных помалкивал, а то мировая общественность поднимет вой, и на отчаянном рывке обогнал заморского гиганта, у которого в десятки раз больше денег и возможностей.

– А в Гаагский трибунал потащат меня? – уточнил я.

– Китайцев же не тащат? – спросил Говдин. – А они, по непроверенным, но заслуживающим доверия данным, уже и людей клонируют. То ли на органы, то ли для армии. Сделайте всё, чтобы нейролинк заработал в полную силу!.. Это будет помощнее атомной бомбы. И вам спишутся все нарушения... хотя я уверен, вы их не допустите.

Но голос прозвучал формально, как положено говорить скучные правильные вещи, которые мало кто выполняет.

– Сейчас, – добавил он, – как никогда развит промышленный шпионаж. И за вашими разработками будут охотиться. Мы постараемся оградить вас, но нам нужно быть уверенными в вас самом. До чтения мыслей, как вы говорите, уже

близко, но всё это будущее, а живём в дне сегодняшнем.

Я сказал с неудовольствием:

– Знаю, не в детском саду живём. Постоянное наблюдение и всё такое.

Он добавил, чуть понизив голос:

– Плюс новые технологии. В недрах наших ведомственных институтов разрабатывается некий алгоритм... На его основе искусственный интеллект будет просматривать как бы мысли и сам определять, какие относятся к государственной тайне, какие нет.

– Ваши ведомственные?

– Спонсируемые нами, – уточнил он.

– Насчёт ИИ, – сказал я, – это здорово. Даже замечательно. Ему я доверяю больше, чем человекам.

Он сказал тем же протокольным голосом:

– Но пока идёт обучение и настройка, просматривать вас будут люди. Вижу по вашему лицу, насколько вы рады, прямо ликуете, но пусть это вас не тревожит. Они такого насмотрелись... Наше внимание привлекает только шпионаж, измена или растрата государственных средств на личные нужды. Всё остальное пропускаем, не глядя.

Я сказал слегка упавшим голосом, но только слегка:

– Но вы же понимаете, что...

– Понимаю, – ответил Говдин, словно топором обрубил, – работа такая. Скоро привыкнете. Даже начнёте, как это ни звучит иронично, получать удовольствие.

– Ну-ну!

– Охраняя государственные секреты, – пояснил Говдин, – мы заодно улучшаем и общий климат общества. Зная, что их просматривают, люди стараются в своих... увлечениях не заходить слишком далеко. И мир постепенно становится лучше. Со своей стороны, могу сказать лишь, что вашу персону просмотр коснётся в минимальнейшей степени. У вас настолько хорошая репутация, что всё ваше досье состоит из медицинской карточки, но и там всё безупречно, что удивительно и даже как-то подозрительно для современного человека. Будто марсианин какой!

Я буркнул:

– Не моя заслуга.

– Да, у вас замечательные гены. Поздравляю, господин директор, с хорошей должностью, на которой наверняка сделаете много хорошего!

Я в самом деле думал уже не о том, принимать должность или нет, а откуда брать специалистов. Из дворников и потерявших работу таксистов можно составить только ещё одну команду шоуменов, но от них и так не протолкнуться.

– Хороший довод, – ответил я осторожно. – Если в самом деле достаточное финансирование и карт-бланш...

– Гарантируем, – прервал Говдин. – Мы прижаты рогами к стене!.. Как всегда, отстали. Но есть шанс опередить на рывке, как у нас уже бывало, пока другие петляют во тьме.

– Мы тоже пойдём через тьму, – ответил я, – полную рыт-

вин и ухабов. Хорошо. Пишите указ о подтверждении...

Силовик коснулся сенсорной поверхности столешницы и сказал чётко:

– Указ о назначении директора НИИ мне на стол.

Я поинтересовался:

– Уже решено и у вас?

– Требовалось ваше подтверждение, – пояснил он. – Кто знает, как бы вы отреагировали на... некоторые детали. Но наши аналитики заверили, что согласитесь с вероятностью девяносто восемь процентов.

Из щели в столешницы выполз листок с затейливой шапкой с двуглавым орлом и зданием Верховного Совета.

– Вот, – сказал он и протянул через стол листок. – По всем старинным правилам!.. Соблюдаем. Поздравляю вас, Артём Артёмович!.. Надеюсь, что приложите... и так далее.

– Спасибо...

Он сдержанно улыбнулся, но руки не подал, а козырнул, как старшему до званию.

Я вздохнул, начинается новый тревожный этап жизни.

– Спасибо, – сказал я сдержанно. – Постараемся соответствовать. Не нормам, их ещё нет, а требованиям нового мира. Обдумаю, как объявить сотрудникам.

Особист невесело усмехнулся, но голос прозвучал со стальными нотками:

– Мир новый, люди старые. Прорвёмся.

В приёмную я вышел с листком в руке, спохватился, уложил в планшет, чтобы не складывать вчетверо.

Агнесса смотрит с любопытством, наверняка всё слышала и видела. Кто знает, какое у неё секретное звание, может быть, даже выше, чем у Говдина. Внутри ФСБ своя тайная служба, что на корню пресекает как коррупцию, так и малейшую склонность к измене Родине.

Я постарался держать выражение лица таким, как надо, а то она, как специалист по физиогномистике, узнает больше, чем мне бы хотелось.

Улыбнулся ей чисто по-мужски, она же вся такая, что не посмотреть с одобрением на её выпяченные сиськи совсем недостойно мужчины.

Когда выходил из подъезда, со стоянки, повинуясь мысленной команде, подъехал автомобиль. Я как раз подошёл к бровке, он приглашающе распахнул дверцу, автоматика не человек, работает безукоризненно.

Люди старые, вспоминал по дороге домой. Вот тут и наметился настоящий разлом. Не по богатству, как в старину, не по образованию, религии или чему-то ещё знакомому и привычному. Старые – это прежние, нынешние, а новые – это те, каких ещё нет, а будут из тех, кто примет новые сейчас непривычные реалии и сживётся с ними.

А остальных чуть ли не в заповедники. Пока маленькие, но прогресс нарастает такими темпами, что ограду придётся постоянно раздвигать для новых членов.

До каких пор, мелькнула мысль, и сам же ответил: до тех, пока там не окажется всё человечество. А вне заповедника будут те, что уже перестанут быть людьми. Если всобачивать в себя чипы сегодняшними темпами, то разве это всё ещё люди через десять-двадцать лет?

Дальше по пути эволюции пойдут уже они, новое человечество, лишившееся биологической оболочки. Ладно, всё ещё люди, пусть и совсем другие, но уже с другими целями, идеями, взглядами.

А где буду я? Сейчас уверен, что с теми, кто начнёт перестраивать вселенную, но кто знает, что подстерегает на тернистой дороге.

Но надо идти.

Кто не идёт, тот отмирает.

Автомобиль быстро и беззвучно, дурацкий закон на шумелки в электроавто отменили, мчит по магистрали, рядом в сантиметре проскакивают такие же скоростники.

Всё хорошо, прекрасная маркиза. Искусственный интеллект разгрузил дороги, хотя автомобилей стало ещё больше, а двигаются на огромных скоростях. Человеческий фактор исключён, а единая система управления движением держит всё под полным контролем. Ни единой аварии за последние два года, однако находятся люди, что всё ещё возражают против этих самобеглых колясок.

Вот они и будут в авангарде протестующих.

Автомобиль вырвался на широкую магистраль, далеко

впереди начал вырастать кластер исполинских и очень футуристических небоскрёбов. Самые высокие похожи на гигантские гвозди, что Господь Бог воткнул в землю, но лишь слегка пристукнул по широким шляпкам.

Здания в собственности Мацанюка, там на плоских крышах аэродромы для небольших самолётов, в то время как на крышах остальных могут садиться и взлетать только вертолёты.

Мелькнула мысль, что неплохо было бы получить офис в его кластере, там он собрал научную элиту страны, даже сам Юрий Мильнер разместил один из своих научно-исследовательских институтов, но уж ладно, новое здание в Бутове тоже великолепный подарок!

Правда, постоянный надзор, конечно, раздражает, но привыкну, привыкли же к той открытости, что немыслима нашим родителям?

Дело уже не в том, что спецслужбы будут просеивать мои животные образы и половые хотелки, это пусть, их работа, да и нет у меня таких знакомых, чтобы опасаться потерь от утечки информации.

Но собранные и украденные базы данных нелегально продаются и перепродаются разным частным структурам, а это уже хреново. Правда, те тоже платят огромные деньги за краденое вовсе не затем, чтобы посмаковать чьё-то грязное бельё. Бизнес озабочен только, как впендюрить товар колеблющимся, как повлиять на протестные настроения в обществе,

чтобы больше покупали, а не занимались каким-то никому не нужным духовным развитием.

Крупным игрокам мелкие людишки с их муравьиными страстишками неинтересны, понятно, но всё же как-то не по себе, когда всё твоё грязное нутро, которое никому не показываешь, вытаскивают на всеобщее обозрение.

С другой стороны, мир и так становится всё откровеннее. В старых фильмах если герой на экране ест, то либо шпион, либо предатель, положительного не принято было показывать за таким низменным занятием. Зато в современных треть экранного времени занимают сцены в туалете, когда откровенно показывают, как героини какают, вытирают жопы бумажкой, рассматривают испачканные менструацией трусики или вытаскивают из влагалища разбухшие тампоны. То есть подготавливают население к тому, что ничуть не стыдно, что их тоже могут рассматривать в любой момент их жизни и даже, как говорят эвфемии, жизнедеятельности.

Так что мир уже подготавливается к последнему шагу полной открытости, что придёт с нашим нейролинком.

Хотя, конечно, этот шаг будет таким бабахом, что непонятно, устоит ли сама цивилизация. Но если устоит... рывок в будущее будет колоссальным. Куда большим, чем открытие электричества, интернета и компьютеров.

Устоять бы только.

Глава 6

В квартире пусто, Ежевика куда-то ускакала, без меня ей тут скучно, слишком по-мужски аскетично, не каждая захочет побыть лишнюю минуту в помещении, что служит спальней, мастерской и лабораторией, пусть теперь даже мастерские выглядят как стерильно чистые зубоврачебные кабинеты.

Жаль, вот бы охнула от такой новости. С нею мне предельно комфортно, как-то чует мои желания, даже в офисе вовремя сварит кофе, принесёт к компу мои любимые булочки, пощечечет, снимая напряжение трудового дня, и в постели настолько неприхотлива и ненавязчива, словно вообще это занятие не интересует, хотя ровесницы всё ещё увлекаются и постоянно винят мужчин в потере к ним интереса.

Правда, не просидел перед монитором и десяти минут, как у двери раздался предупреждающий звонок, вскоре она вбежала в комнату, стуча копытцами, покрасневшая, большеглазая и с ярко-пунцовым ртом, явно татуаж, выпалила:

– Хотела перехватить по дороге, но ты как метеор!..
– Что, стораю на глазах? – спросил я.
– И такое может, – ответила она и присела на поручень кресла. – Ты какой-то вздёрнутый. Что-то случилось?

Я мотнул головой в сторону кухни.

– Сделай кофе и что-нить послаще.

– Сахарное печенье?

– Халву, – сказал я.

Она спорхнула на пол, а я продолжал тупо смотреть на экран, там проплывают итоговые результаты работы лаборатории, не придётся переносить на новое место и состыковывать заново. Я всегда был в теснейшем контакте с разработчиками чипов для нейролинка, но теперь они, по словам директора, окажутся в моём подчинении.

Может быть, мелькнула мысль, объединение тех и других в одном коллективе позволит ускорить работу, но есть вероятность, что работа как раз затормозится. Человеческий фактор, как говорят во всех непонятных ситуациях. Хотя и стараюсь ладить со всеми, но многих уязвит, что они теперь не самостоятельная группа, а всего лишь часть большого коллектива.

Из кухни донёсся весёлый вопль:

– Кофе готов!.. Беги быстрее, а то остыёт!

– Бягу, – ответил я. – Всеми четырьмя.

На кухне она передвинула на мой край стола чашку с парующим чёрным кофе, где сливками ухитрилась нарисовать сердечко.

– Халва горячая! У тебя жопа слипнется. Вентилятор сдох, но проще заменить принтер, у тебя прошлогодняя модель!..

– И горячую съем, – сообщил я. – Капризные не выживут

в новом мире.

– Не выживут, – согласилась она. – Ты вообще весь по ту сторону Перехода?

– Частично, – ответил я. – Одной ногой.

Она смотрела, как я пью и почти безучастно отламываю халву крупными ломтями.

– Что случилось? Ты как будто уже с кем-то воюешь!

Я поднял на неё взгляд, смотрит с живейшим интересом, но и с готовностью подставить плечо, какую бы тяжесть ни нёс и с кем бы ни воевал.

– Новое здание, – проговорил я медленно. – Там будет не филиал, как все думали, а отдельный институт. Целиком посвящённый разработке нейролинка.

Она широко распахнула глаза.

– Ух ты!..

– И возглавить его, – договорил я, сам чувствуя в своём голосе неуверенность, – предложили мне.

Она повторила в радостном изумлении:

– Ух ты... Это здорово!

– Уже дал согласие, – ответил я. – Окончательное. На пятную поздно. Но как-то всё слишком...

Она сказала с жаром:

– А что сейчас не слишком?.. Всё ускорилося, всё вверх тормашками!.. Кстати, что такое тормашки?.. Вот видишь, ещё не узнали, а уже спешим мимо и дальше!.. Время такое. Хорошо, что согласился. Сейчас хватать нужно сразу, второ-

го шанса не бывает!

Я покосился на её воспламенившееся лицо, у неё даже дыхание прервалось, словно оказалась на вершине крутой горы, а дальше тёмная пропасть.

– Знаю, – ответил я осторожно. – Время такое, второго шанса ни на что не будет. Но я, похоже, всё-таки где-то в глубине чистейшей души мохнатый консерватор.

– Это да, – согласилась она, – но наступаешь на горло своей животно-ящерной песне и делаешь то, что надо, а не что хочется твоей мохнатости. И сейчас поступишь правильно. Нельзя бездумно бросаться во всё новое, как вон Анатолий, но ты успеваешь понять и оценить. Дорогой, ты не бездумник!.. Ты и меня оценил, как козу на базаре.

– Это ты зря, – сказал я с укором, но ощутил, что она права, всё же на автомате прикинул, как сложится, если вдруг окажутся вдвоём в небольшой однокомнатной квартирке дольше, чем для короткой случки. – Я не рассматривал тебя, как козу...

– А на корову не тяну, – сказала она серьёзно, – да и зачем тебе корова?.. Я твоя коза, я тебя понимаю и без нейролинка. Хорошо, что согласился! Такие возможности!.. А потянуть потянешь, как здоровенный индийский слон.

– Африканский крупнее, – уточнил я отстранённо, вспоминая слова директора, – но его объездить труднее. Да, я уже принял.

Она уточнила:

– Так это точно?.. Тебе предложили... и ты сказал, что берёшься?.. Так чего ты сейчас? Давай берись! Чего расселся?

– Уже взялся, – ответил я сварливо. – Разве работаем только в кресле перед компом?.. Всё время в труде, как башкирская пчела. Ну, за некоторым исключением, не дерись. Хотя, конечно, администрирование будет отжирать часть драгоценнейшего времени.

– Ты останешься нейрохирургом, – заверила она. – Коллектив понимающий, не менеджеры недобитые, а научные сотрудники. Позвони нашим! Или пошли голосовку. Пусть знают уже сейчас, чтобы утром явились бодрые и готовые ломать и рушить.

Я сказал со вздохом:

– Наверное, ты права, хоть и красивая.

Она заулыбалась польщённо, но послушно умолкла, а я прижал пальцем мочку уха и сказал отчётливо:

– Алиса, сообщи всем нашим, что я уже не начальник отдела, а директор нового центра. И буду дрючить всех в хвост и гриву, так как знаю, кто когда халтурит!

Ежевика сделала ещё по чашке кофе, принтер выдал две сдобные булочки, горячие и вкусно пахнущие, но, как только я протянул к ним руку, требовательно звякнул смарт.

На экране появилось лицо Бронника, я кивнул Ежевике, чтобы отодвинулась, не попадала в обзор, сделал лицо очень внимательным и серьёзным, включил взмахом руки обратную связь.

– Слушаю вас, Сергей Павлович.

Директор сказал отрывисто:

– Извините за неурочный звонок, но должен предупредить, у вас скоро появятся с визитом члены совета по этике.

Не говори о чёрте, подумал я раздражённо, даже не думай, а я вот подумал, они сразу и нарисовались на горизонте событий.

– С визитом? – уточнил я. – Какая-то новая структура?

Директор чуть наклонил голову, лицо оставалось непроницаемым, но я отчётливо уловил идущие от дисплея флюиды недовольства.

– Академия наук учредила. Под давлением, конечно.

– Правительства? – спросил я.

Он ответил сухо:

– Да. А те уступили под нажимом самой крикливой части общественности. Ничего не поделаешь, нами снова правит то, что погубило Рим. Очень прошу вас ради дела держаться мирно, в рассказы о будущем не вдаваться. Это их пугает и сразу превратит в явных противников. Лучше расскажите, что пьёте, какие шашлыки жарите на природе и как в соцсетях размещаете фотки застолий.

Меня ощутило передёрнуло.

– Сергей Павлович!..

Он сказал с сочувствием:

– Знаю-знаю, до такого уровня вам никогда не пасть, зато их успокоит. Вы же знаете, сейчас даже извозчики говорят

о важности этики, соблюдения её принципов в развитии науки... Не дёргайтесь, привыкайте. Теперь вы ещё и администратор, должны говорить общественности то, что нужно, а не то, что думаете.

Я сказал горько:

– Как же мы все изолгались...

– Во главе Константинопольский, – сообщил он ровным голосом, – когда-то был неплохим актёром, но у него первый зам – шоумен Гарик Касторский, второй – телеведущий, не помню имени, но часто мелькает в жвачнике. Ещё в их комитете видные артисты цирка, два джазмена, три женщины горизонтального промысла, одна из них депутат Госдумы.

Я сказал с чувством:

– А как насчёт одноногой негритянки-трансформера, то бишь трансвестита?

Директор скупно улыбнулся.

– Не отыскиали на просторах Отечества. Но геи в Совете почти все. Ничего не поделаешь, профессия такая. Если там и есть гетеросексуал, то таится. Сейчас прогресс идёт с опаской и поглядывая по сторонам, а научные сотрудники набивают татухи, чтобы их принимали за простой народ, которому всё, простите за выражение, дозволено.

Я пробормотал убито:

– Что за бред...

Директор сказал с сочувствием:

– Терпите. Начало движению дали Штаты, когда актёр по-

бывал в президентах, потому сейчас уже во главе десятка государств шоумены и артисты цирка. В общем, я вас предупредил. Держитесь, не давайте поднять шум! А искать повод будут, у нас народ протесты обожает. Была Страна Советов, стала страной протестов.

Я стиснул челюсти с такой силой, что кольнуло в висках. Вот и первая беда, которую не предусмотрел.

– Спасибо, Сергей Павлович, – сказал я сдержанно. – Посмотрим, что получится. У них какие полномочия?

– Никаких, – ответил он с удовольствием. Но тут же снизил тон и предупредил совсем другим голосом: – Но влияние огромное!.. Вы же знаете, ныне толпа на улицах определяет, как нам быть и куда идти. Панэм эт цирцензес ей уже мало, теперь берётся править Римом!.. Ленин был прав насчёт кухарок. Держитесь, Артём Артёмович!

Он кивнул, экран погас, Ежевика даже дыхание задерживала, не шевелится, а я ещё с минуту сидел, оцепенелый, чувствуя лютейшее бессилие перед надвигающейся тёмной силой.

С научными работниками других взглядов можешь спорить, находить контрдоводы, переубеждать, но это у нас, а в том в обществе, что благодаря бесконтрольным свободам поднялось из неких мрачных глубин доминирующего за земле вида, доставшихся даже не от питекантропов, а ещё кистепёрых рыб, просто невозможно даже пикнуть иное от «общепринятого», а что принимает толпа, знаем.

Тьма, сказал некто внутри. Тьма не понимает доводы. Против тьмы есть только одно средство – свет! Просвещение. Но с ним запоздали, просмотрели.

А сейчас расплачиваемся. Просветить толпу вот так сразу не получится.

– Константинопольский, – проговорил я вслух. – Что-то знакомое... не могу вспомнить...

Ежевика встрепенулась, теперь можно двигаться и верещать, сказала весело:

– Ещё бы! Ты же дремучий, шоу не смотришь!.. Он был известным артистом, даже актёром, как говорят, хотя это преувеличение, артист и есть артист, какой из него актёр, а потом стал шоуменом, ведущим всяких передач на телевидении. Был бы из мира науки, ты бы сразу вспомнил.

– А-а, – сказал я. – Тогда да, конечно. Но как он оказался...

Она придвинула ко мне чашку с уже остывающим кофе, красиво подпёрла мордочку кулачком, в глазах промелькнули смешинки.

– Сам знаешь, этика, – сообщила доверительным тоном, – удобная вещь. Во всех её тонкостях разбирается любой дворник. Как и в политике. Во всяком случае, никогда нельзя припереть к стенке, как вот нас, представляющих науку. У нас всегда дважды два – четыре, а у них хорошо, если семь, такое ещё понять можно, хоть и с трудом, но когда равно стеариновой свече, то разве что хрюкнешь в ответ, а для них

это признание поражения!

– Поговорить о проблемах этики, – согласился я, – всё равно, что для джентльменов о погоде. Светский разговор, подчёркивающий принадлежность к особому кругу высокоодухотворённых, куда не входят всякие там научники, будь даже трижды лауреаты нобелевок. Но я не думал, что всё так серьёзно.

– Что всё так запущено, – согласилась она. – Хватит, уже поздно. Ложись. Не бойся, секса не будет, у меня тоже голова болит.

Пока я принимал душ, убрала посуду, чем-то погремела на кухне, а потом скользнула ко мне под одеяло, тёплая и притихшая.

Я уловил на себе её внимательный взгляд, подумал отстранённо, что лежать вот так с обнажённой женщиной и всерьёз говорить не о ней, моветон, но, если честно, сам по себе секс был интересен разве что Дон Жуану, да и ему, по правде сказать, был на заднем плане. Дон Жуану важнее именно ощущение победы, так это тогда называлось, покорить, овладеть, это сладкое чувство доминирования над чужой женой, а косвенно и над её мужем, кем бы тот ни был!

Но когда запреты рухнули и секс стал обыденной рутинной, то, естественно, обесценился. Особенно из-за того, что исчезло чувство победы, доминирования. Какая тут победа, если девчонка пришла в бар, чтобы отыскать того, с кем потрахаться? Не ты её покорил, не она тебя, просто секс с про-

тивноположным полом всё ещё как бы интереснее, чем в одиночку, хотя таких всё меньше и меньше.

Во времена Дон Жуана женщина просто стыдливо закрывала глаза и отдавалась, так это называлось, а что он с нею делал и как делал, непристойно было даже пикнуть о своих желаниях.

Сейчас же каждая знает и умеет в сексе не меньше самца. У неё свои предпочтения и условия, соответствуй и выполняй, а такое в программе питекантропа, кто мы всё ещё есть, не записано. Да и какая там радость от секса, если столько условий, правил, ограничений? Проще красиво назваться асексуалом, мол, идейная позиция такая, мастурбация ещё проще, а воображение создаст ту женщину, какую желаешь, и всегда будет лучше реальной.

– Спи, – сказала она, – у тебя глаза, как у жопы после сладкого.

– От монитора, – пробормотал я.

– Яркость убавь.

– Монитор сам пытается, – сказал я, – но я с ним борюсь.

– Я на его стороне, – заявила она. – Здоровье нужно беречь.

– Скоро этот вопрос отпадёт, – сказал я и сам вздрогнул от недоброго предчувствия. – Как и все мы, нынешние.

Глава 7

Завтра выходной день, однако будильник всё равно заорал после милой убаюкивающей мелодии, я вздрогнул, открыл глаза и повернул голову.

Рядом смятая постель, я вяло старался вспомнить, что случилось, однако со стороны кухни донёсся треск размазываемых кофейных зёрен, прошлёпали босые ступни, и в дверном проёме появилась улыбающаяся Ежевика в моей распахнутой рубашке на голое тело.

– Гренки через двадцать секунд, – сообщила она. – Кофе через полминуты!

– Я готов, – ответил я ещё сонным голосом, – нужно раньше ложиться...

– Ты и прошлый раз это говорил, – напомнила она.

– Так я и в прошлый раз существовал, – сообщил я, – и сейчас когито эрго сум.

Она кивнула в сторону туалета.

– Иди похудей, уже накрываю на стол.

Я хотел ответить, что сейчас столы вообще не накрывают, это раньше накрывали скатертями, а на домашних кухнях ещё и клеёнками, а сверху клали газеты, но напомнил себе, что мой перфекционизм иногда пахнет педантизмом, так что следи за базаром, придурок, а то из стартаперов быстро запишут в старпёры.

На кухонном столе уже чашки на противоположных концах, в двух вазочках печенье и большие ломти тахинной халвы, в тостере поджариваются тонкие ломтики булочек.

Ежевика сидит и наблюдает за мной исподлобья, как Торквемада за Кампанеллой, словно я занимался не только опорожнением мочевого пузыря, но и в самом деле чистил зубы, будто дикарь какой-то.

Ещё пару лет тому эта чистка зубов была обязательной, но после того, как стали покрывать зубы дорогущим гелем из сверхпрочной керамики, зубы у всех всегда чистые и сверкающие белоснежной улыбкой.

У Ежевики тоже чистые и блестящие, ну это и понятно, для женщин внешность всё ещё очень важна, зубы отбеливают и выравнивают именно для красоты, это мужчинам лишь бы потом возиться меньше.

Кофе сделала чуть крепче, но чашечки взяла поменьше, тостики прожарены в меру, уже начинает хозяйничать, ну да ладно, пока всё в пределах нормы, женщин можно чуточку баловать свободой и равноправием.

Ложечки для сахара положила строго параллельно, ни одна ни на миллиметр не выдвигается, блюда тоже синхронны в разные стороны цветочками на ободке. Либо перфекционистка, либо с детства помнит правила хорошего тона за столом, а они начинаются с того, как расставлены тарелки и разложены вилки.

– Чем больше у человека запретов, – проговорил я вслух, –

тем дальше он от животного.

Она как будто прочла, о чём я думал всю ночь, договори-
ла:

– И тем больше у него правил.

Я молча хрустел прожаренным ломтиком булочки, помал-
кивал, а она спросила негромким голоском:

– Что-то тревожит, шеф?..

– Да, – ответил я нехотя.

– Этики?

Я отмахнулся.

– Этики всего лишь мухи, что надоедают, но наш паровоз
им не остановить.

– Тогда что?

– Наша работа, – ответил я с сомнением. – Только мы зна-
ем, какой будет взрыв! Одна надежда, что снимать ограни-
чения на использование нейролинка будем постепенно. По
частям. Если позволят.

Она даже чашку отставила, взгляд стал очень серьёзным.

– Могут не позволить?

– Мы разработчики, – напомнил я. – Я нагло уверен, что
лучшие, без такой уверенности звёзд не достать... но, увы,
не единственные, что пахнут на этой ниве. Нива – это такое
поле для разработчиков софта. Соперники дышат в затылок.
Будем осторожничать и притормаживать – обгонят с гиком
и свистом. Так что опасайся не опасайся, а спешить надо!

Она сделала осторожный глоток, поморщилась, горячо,

ухватила, не глядя, вкусно пахнущий прожаренный ломтик булочки.

– Изо всех сил, шеф. Я оптимистка, но какая-то испуганная.

– Не по жизни?

– Нет, когда начинаю думать, что творим и вытворяем.

Я пил медленно, почти не чувствуя вкуса, что-то во мне тяжело вздохнуло помимо моей воли.

– Спинным мозгом чувствую, что у нас мощнее, чем открытие там электричества, атомной энергии, интернета! Именно мы перевернём мир кверху лапами. И назад возврата ни-ни. Кто понимает, тому уже страшно... А народ смотрит только бои в ММА и слушает песни Ани Стрекозинской.

Она сказала язвительно:

– Спинным мозгом... Артём Артёмович, не говори красиво! Скажи честно, жопой чуешь.

– Чую, – согласился я. – Но если не мы, то другие тряхнут планету так, что всё с неё ссыплется, как при Копернике.

Она быстро поглядывала, как я с хрустом жую тостик, горячий и вкусно пахнущий, но плечами повела, словно осыпало морозом.

– Надеюсь, успеем первыми.

– Иначе нам кранты, – подтвердил я.

– И станем снимать запреты постепенно?

– Даже не запреты снимать, – уточнил я, – а приоткрывать вход в ад. Чтобы дать взад, если чё. Тогда и другие притор-

мозят. Ну, может быть.

Она допила кофе, задумалась, медленно поворачивая чашку в пальцах.

– Притормозят?.. Думаю, не раньше, чем начнутся разбои, грабежи, поджоги... Не так?

Я ответил с надеждой:

– Но баррикад на этот раз не будет. Каждый станет зверем-одиночкой. И будет бросаться на соседа. А как иначе, если везде одни звери в людской личине? Общество, основанное на строгих правилах и запретах, рухнет с таким грохотом, что и черепков для инопланетян не останется.

Она сказала с иронией, но мне почудилась в её словах надежда:

– Тогда, может, притормозить?

– А другие? Их не притормозишь.

Она попыталась допить кофе из пустой чашки, вздохнула, взяла из моей руки тоже пустую и поднялась, строгая и деловая.

– Вызывай машину, я помою посуду.

Раньше посуду в самом деле мыли, а сейчас достаточно поставить в раковину, автомат сделает всё, ещё и высушит, а потом расставит на полочке, так что выскочили из дому одновременно.

Никто никого не ждал и не бил в нетерпении копытом, и даже авто подкатило к подъезду, рассчитав расстояние и скорость с точностью до микросекунды.

Науку не остановить, подумал я мрачно на сиденье, что раньше считалось водительским. Всё ещё не по себе, что нет рулевой колонки, обшитая кожей баранка словно бы защищает от стремительно летящего навстречу мира, но мир меняется резко и быстро – принимай или уходи.

Ежевика вертит головой по сторонам, замечая, как стремительно меняется город. Даже высотные дома вырастают то здесь, то там, словно по волшебству, а старые преобразаются так, что и не скажешь насчёт фундамента боярских времён.

Аккуратная линия высоких деревьев, что днём даёт тень, а ночью освещает яркой листвой улицу, символическая линия бордюра, где раньше нелепо смотрелись в ряд глыбы тяжёлого камня, а сейчас незримую линию контролирует компьютер, за которую ни один автомобиль не проедет, за исключением санитарной или пожарной команды.

– Что ты задумал?

– У меня важная встреча, – сообщил я кратко.

– В выходной?

– В жизни выходных не бывает.

– Молчу, – ответила она послушно.

– Да ладно, щебечи. Всё равно не слушаю.

Она спросила обиженно:

– Тогда зачем?

– Твой голос успокаивает, – пояснил я. – Женщин вообще никто не слушает, когда они женщины. А когда говоришь о программировании, ты не женщина и не самец, а третий

вид, к которому принадлежим мы. Более совершенный, чем люди.

– А этики?

Я отмахнулся.

– То вообще питеки. Даже денисовцы.

Через два квартала автомобиль резко затормозил и прижался к красной линии, разделяющей тротуар в его прежнем значении и проезжую часть.

– Шеф? – пискнула Ежевика.

– Встреча, – сообщил я.

Она только открыла ротик, но послушно захлопнула, в нашу сторону уже идёт по тротуару нечто подобное статуе командора в его металлическо-хромовом исполнении.

Марат от шеи и подошв нагло сверкает металлом, как будто совсем киборг, хотя полностью заменил только руки и ноги, а всё остальное пока своё, пусть внутренности и отпечатанные на принтере, но все из собственных стволовых клеток, только грудь для пижонства укрыл, как римский легионер, стальным панцирем с затейливым гербом собственной выдумки.

Прохожие откровенно таращатся, одни с осуждением, другие с одобрением и даже завистью, это не пирсинг вколоть или тату бросить по всему телу, это уже высший класс и вызов старому миру!

Я распахнул дверцу заднего сиденья.

– Садись, расскажу по дороге. Ты чего такой довольный?

Печёнку сменил?

Он ловко забрался на заднее сиденье, ответил густым красивым голосом оперного певца:

– Это у вас печёнки, а у меня печень. А сменил дважды, знаете...

– Нет, – пояснил я, – на железку.

Он развёл руками.

– Прототип ещё не запустили в серию. А как только, то сразу. Хайтек не женщина, меня ещё ни разу не подвёл.

Ежевика обиженно нявкнула:

– Харасменист!

– Факты, – потребовал Марат.

– Этика выше законов, – сказала она гордо. – Потому факты не играют роли. Я тебя по судам затаскаю!..

– Куплю мороженое, – предложил Марат.

– Два, – выпалила она победно. – Шоколадное с крошками!

– По рукам, – сказал он с тяжёлым вздохом. – Вот так и проигрываем в титанической битве полов.

Автомобиль терпеливо выждал, пока такое медлительное по нормам электронного мира существо вдвинется в салон и очень неспешно, будто играет замороженного, опустится на заднее сиденье.

Нас вжало в спинки кресла, по обе стороны стремительно понеслись навстречу, тут же пропадая за спиной, деревья и здания, автомобиль педантично старается уложиться в ука-

занное для встречи время.

Я поглядывал в зеркало на уютно устроившегося сзади Марата. Совсем недавно, я уже оканчивал школу, такие, как он, были обречены умереть во младенчестве или в лучшем случае подростками.

Но медицина идёт даже не широкими шагами, а скачками. Какие-то болезни излечили, какие-то пока остановили, а там, где пока медики разводят руками, неожиданно помогла робототехника.

Источенные остеопорозом кости ног и рук заменили настолько совершенными протезами, что Марат всерьёз ощутил превосходство над остальными людишками, которым такое счастье только предстоит. Приземлённой науке, работающей на сегодняшний день, проще выращивать из стволовых, чем разработать механическую.

Он перехватил мой оценивающий взгляд, понял ход мыслей, сказал весело:

– Шеф, прогресс не остановить, сами знаете. Присматриваюсь к желудку, уже тестируют синтетические!

– Да зачем тебе? – сказал я с неудовольствием. – Свой пока справляется?

Он широко и победно заулыбался. Мало ли что совсем недавно был обречён с букетом болячек, зато сейчас поглядывает на дураков с тем же превосходством и жалостью, с каким те смотрят на него.

– Шеф, скажи лучше, куда едем?

Ежевика помалкивает, мордочку сделала таинственной и загадочной, я проговорил с небрежностью:

– Договорился о встрече с Джином.

Он охнул, сказал жарко мне в затылок:

– Самим Фраерманом?

– Ого!.. Я всегда мечтал с ним познакомиться. Его работы просто взрыв мозга!

– Есть шанс, – сказал я. – Пообщаемся в кафешке, это рядом с их небоскрёбом. Давно подбиваю клинья, надо бы сманить к нам.

Он присвистнул.

– Хорошо бы. Понятно, зачем здесь я.

Я улыбнулся.

– Ты ему точно больше понравишься.

Он сказал деловито:

– Мы вдвоём, да?.. Но это не сугубо деловая встреча, всё-таки в грёбанный выходной обязаны отдыхать после трудовой недели, иначе штраф и понижение репутации. Потому для отмазки эта самочка? А это весьма кстати.

Ежевика обиженно взвизгнула, я воззрился на него в изумлении.

– Ты чего?

Он бесстыдно ухмыльнулся.

– Фраерман не весь железный. Я про него кое-что знаю, да он и не скрывает. Напротив, хвастает.

– Хвастает? – переспросила Ежевика. – Тогда он ещё че-

ловек.

Вспыхнул экран на лобовом стекле, там полупрозрачный Фауст взгляделся в нас троих с изумлением на лице.

– Шеф, я думал застать вас в каком-то кабаке... Или вы втроём туда как раз и прётё?

– Только четвёртого подхватим, – сообщил я. – Фраермана. Слышал о таком?

Он охнул.

– Намечается групповуха?... А я хотел спросить насчёт искусственных аксонов... Ладно, Фраерман так Фраерман. А что он фамилию на ник не сменит?... Мы с детства называли выпендрёжников фраерами, а тут не просто не скрывает, а выпячивает вместо имени!.. Фраерман, надо же!

Я кивнул, всё верно, сам он для всех нас давно Фауст, каким однажды появился на форуме трансгуманистов, а не какой-то... как его фамилия?... в прошлой детской жизни. Фраерман мог бы выбрать что-то более... хотя «Фраерман», надо признать, звучит лихо и вызывающе, даже соответствует его драчливой репутации нападателя на основы современной науки.

– Спрошу, – пообещал я. – Скажу, что ты интересовался. Он сказал испуганно:

– Что? Ни в коем случае!..

Экран погас, Марат довольно заржал.

– А репутация у Фраермана ещё та.

Автомобиль плавно сбросил скорость и замер у бровки. В

сотне шагов Центр нейроинформатики, слева по ту сторону тротуара маленькое уютное кафе, Фраерман выбрал удобное для себя место встречи.

Марат покинул авто первым, бравируя лёгкостью движений, следом выбралась Ежевика, шумно вздохнула, наполняя лёгкие свежестью от листвы модифицированных деревьев. Те выстроились вдоль дороги на точно отмеренных расстояниях, не пропуская запахи горячего асфальта и резины через край тротуара.

Марат поглядывал на мир с полнейшим равнодушием на лице к этой уходящей ерунде. Совсем недавно здесь важно катили кареты с извозчиками, вдоль дороги высились газовые фонари, а бородатые мужики с тачками ждали у тротуара, готовые сразу же убрать конский навоз, а то лошади, как все травоядные, опорожняют кишечник прямо в пути.

Исчезнет и этот нынешний мир с замысловатыми небоскрёбами, зеркальными витринами и автомобилями без водителя. Придёт нечто намного совершеннее, а мы как раз те существа, кто в бешеном темпе, который пугает даже нас, приближаем этот страшноватый и прекрасный завтрашний день и почему-то не можем ни остановиться, ни даже замедлиться.

Ежевика, не оглядываясь в нашу сторону, направилась к распахнутым дверям летнего кафе, там половина столиков вынесена наружу, выглядят по-домашнему мило и незатейливо.

– Я бы тоже в таком питался, – определил Марат. – Фраерман хорошо устроился, ему носят в квартиру ещё горячее. Вон те три окна и есть его квартира!

– Уютное место, – согласился я. – И почти пустое. Ну да, народ рванул за город...

Ежевика всё же вошла в помещение, выбрала самый дальний столик в углу, но села спиной ко входу, это мужчины садятся, как собаки в конуре, всегда лицом к возможной опасности.

Я огляделся в поисках официантки, но, похоже, здесь автоматика полная, а Ежевика сказала торопливо:

– Фраерман!

Глава 8

Марат повертел головой, но Ежевика всего лишь зацепилась взглядом за светящуюся точку на своём уже раскрытом планшете и не смотрит по сторонам.

– Выходит?

– Уже... к нашему кафе...

На фоне ярко освещённого солнцем широкого дверного проёма возникла тёмная рослая фигура, так изображают демонов Ада, выходящих в наш мир из преисподней.

Правда, когда Фраерман пошёл через зал, то и рост не выше среднего, и в лице, как и фигуре, ничего предвещающего беду, хотя этикам он кажется зловещим терминатором из недоброго будущего.

В перестройке организма зашёл ещё дальше Марата, из-за чего и стал для него кумиром, даже блестящие догадки и реальные достижения в нейропрограммировании отодвинулись на второе место.

За пару шагов до нашего стола вскинул обе руки в приветствии, совсем не похожие на синтетические, хотя, конечно, керамика и пластик от плеч и до кончиков пальцев, но в рубашке с длинными рукавами, в модных джинсах, а кроссовки от Анны Тои полностью закрывают титановые ступни с гибким керамическим покрытием.

Ему пришлось начать раньше, чем Марату, потому уже

успел миновать стадию хвастовства синтетическим телом. Тем более только руки-ноги, да ещё глаза, а так внутренности людские, хотя половина изготовлена на принтере из его же стволовых.

И, конечно, на аккумуляторах почти весь, только мозг и ряд внутренних органов в этот переходный период пока ещё требуют обычной еды, но старается заменить искусственной, соками, пастами, гелями, Рахметов двадцать первого века.

– Что хотел? – спросил он сварливо. – Ты же знаешь, я только по видеосвязи... Исключение сделал не для тебя, морда. Марат настаивал, да твоя Ежевика из-за его плеча очень уж жалобно что-то пищала... Что случилось?

Ежевика сказала торопливо:

– Ты сядь, а то ноги у тебя железные, кто знает, когда рассыплются. Хочешь апельсинового сока? Или у тебя желудок заржавеет?

– Желудок ещё свой, – сказал Фраерман с жалостью, – но над этим работаем. Так что случилось?

Он сел достаточно ловко, хотя всего два дня тому сменил ножные протезы на новую модель, мотивируя тем, что данные от природы уже не апгрейдишь, а эти можно менять сколько угодно раз и каждый раз ставить всё совершеннее.

Ежевика держится лучше меня, я то и дело ловил себя на том, что смотрю с жалостью. Медицина не такая уж и беспомощная, он был обречён ещё во младенчестве, но выходили, тогда же стало понятно, что не дотянет до старшей группы

детского сада, нейродегенерация уже начала набирать ход. Но медицина тоже не стоит на месте, отказывающие работать органы успешно заменялись сперва донорскими, а потом искусственными.

И вот теперь ему тридцать восемь лет, и всё ещё жив, хотя ресурсы организма исчерпаны, а медицина в этот раз едва-едва успевает, нейрогенерация тканей поднялась уже до мозга и вот-вот начнёт отключать отдел за отделом.

– Апгрейд, – ответил я многозначительно. – И поле для новых апгрейдов!

Он улыбнулся, протянул через стол руку.

– Привет, Артём. Давно не виделись.

Ладонь и пальцы, пусть из металла, покрытого искусственной кожей, тёплые и почти мягкие, пожатие деликатное, никакого хвастовства нечеловеческой мощью.

На Марата взглянул очень внимательно и сочувствующе, как на собрата, что только вступил на сложный и пока ещё рискованный путь перестройки собственного организма.

– Так что хотел, – повторил он, – ясно и конкретно?

Голос его звучит ровно и приветливо, без каких-либо ожидаемых металлических ноток. Утраченный собственный сумел восстановить в цифровом виде, атрофия голосовых связок лишила его возможности говорить к концу первого курса, где мы сидели за одним столом, но теперь вещает лучше любого диктора с Центрального телевидения.

– Есть разговор, – сообщил я. – Важный.

Он бросил взгляд по сторонам.

– Хороший выбор. Здесь скоростная подзарядка. Шестиджи внедрили раньше, чем в нашем институте. Что значит, коммерсанты.

Ежевика спросила тоненьким голоском:

– Зарядка платная?

Он ответил с покровительственной улыбкой, словно большой и сильный терминатор берёт под защиту молодую пугливую самочку:

– Им щедро доплачивают из фонда поддержки новых технологий.

Она торопливо выскочила из-за стола.

– Тогда я займусь, а вы пообщайтесь!

Я молча кивнул, кафешка примыкает к стене научно-исследовательского центра, где работает Джин, автоматизирована до предела, что значит без персонала вовсе, на самообслуживании, так что Ежевика с великим удовольствием взяла на себя роль хозяйки, что принимает троих голодных мужчин.

Весело запорхала от одного принтера к другому, создавая горки сахарного печенья, хрустящего и рассыпчатого, загрузила все три кофейных агрегата, нужно три разных напитка, мужчинам по двойному эспresso, а себе латте с пышно взбитыми сливками.

Я поглядывал на разочарованного Марата, его кумир не выпячивает свой киборгизм, но и не прячет. Кому надо, до-

казал, а остальные по фигу, сейчас просто живёт и вовсю использует мощь апгрейденного организма.

Кофе Ежевика подала нам на стол не сразу, как я ожидал, сперва бифштексы, хорошо и так умело прожаренные, словно в самом деле натуральные.

Я с трудом разжёвывал прожилки, Фраерман для прикола вполне мог мысленно подменить в заказе синтетическое мясо на говядину или баранину.

В некоторых хозяйствах всё ещё выращивают для этого коров, коз и овец, есть даже специализированные для любителей конины, курятины. Многие всё ещё предпочитают натуральное, хотя медики уверяют, что в искусственном мясе больше питательных веществ, витаминов и минералов, в чём нуждается организм.

Насчёт натуральности кофе я не сомневался, слишком терпкий и горьковатый. Искусственный намного приятнее на вкус, а взбадривает ровно настолько, насколько позволяет медбраслет на запястье, а тот вообще иногда корчит из себя Большого Брата и не советует употреблять то или другое таким тоном, словно запрещает под страхом сожжения на городской площади.

Пока жевали бифштекс, я присматривался к Фраерману заново. Он уже на втором курсе был прикован к инвалидному креслу, сейчас же просто орёл железноклювый. Не просто живёт, как говорят в народе, полноценной жизнью, а даже в чём-то опережает. Его мозгу не приходится тратить ресурсы

на обслуживание сложнейшего животного организма, теперь это полязгивающий металлом киборг, как он называет себя гордо.

Конечно, ещё не киборг, да и непонятно, с какого момента называть киборгом, то ли когда и мозг заменим на позитронный, то ли с момента, когда запломбировали зуб заплаткой из металла.

Природа как будто извиняется перед неизлечимо больными детьми, давая им взамен общего здоровья прекрасно работающий мозг, авось, тот выровняет ситуацию, поможет, спасёт, вытянет. Как вон Стивен Хокинг, изуродованный болезнями и прикованный к инвалидному креслу, сумел сделать ряд ошеломляющих открытий в мире науки.

Фраерман, точно так же лишённый возможности играть и прыгать на детской площадке, сумел развить те отделы мозга, что поставили его в ряд сильнейших специалистов по нейроморфным сетям.

Сейчас, когда его звезда наконец-то взошла, уже крутит носом, выбирая где и с кем работать, вон как смотрит уверенно, спина прямая, какие-то имплантаты и в неё всобачил, при разговоре двигается почти по-человечески, вертит головой и двигает руками. Хотя, конечно, если хорошо присмотреться, что-то механическое заметить можно, слишком всё математически точно, но без этой механики сидел бы с перекошенным лицом в инвалидном, даже говорить бы не мог по-людски.

Ежевика сняла с поддона кофейного аппарата три большие чашки с чёрным кофе, кивнула на сахарницу.

– Кому сколько?.. Джин, вам с молоком?

– Обижаешь, деточка, – ответил Фраерман с достоинством. – Моего желудка хватит ещё лет на семь!.. А за это время я и до него доберусь.

– Сумасшедший, – сказала она, но поинтересовалась, – а на мозги железность как-то действует?

Он двинул плечами.

– Надеюсь. Вся кровь идёт в мозг, а раньше половина уходила в жопу. Так что по дефолту я умнее себя вчерашнего, ха-ха!

Я с некоторой опаской наблюдал, как он уверенно берёт хрупкую тонкостенную чашку из как бы венецианского фарфора, изготовленного в кладовке на принтере. Раньше осторожничал, а сейчас даже не смотрит, мозг уже наловчился управлять движениями металлических рук и ног в автоматическом режиме.

Ежевика напомнила:

– Сахар я уже положила!.. Две ложечки.

– Две, – сообщил он, – это в прошлом. – Мой неокортекс требует четыре, а вечером шесть. Так что не жадничай.

– Твой диабет, – ответила Ежевика задорно, – тебе бегать за инсулином.

– Я со своим уже договорился, – ответил он загадочно.

После первого же глотка я ощутил, как сердце застучало

чаще, нагоняя волну крови в мозг. Хорошо, пусть работает на интенсиве, хотя в старости такое чревато инсультом, зато сейчас обеспечивает высокую работоспособность и даже до какой-то степени отодвигает деменцию.

К тому же к временам нашей старости уже и мы станем киборгами, заменив дряхлеющие части тела на неорганику.

Фраерман с нескрываемым интересом взглянул на меня поверх края чашки светящимися от линз нового поколения глазами.

– Слышал, тебя предложили директором в новый НИЦ?

Я вздохнул с облегчением. Фраерман заговорил на эту тему первым, а если не просто из вежливости или любопытства, то шансы на переманивание повышаются.

– Уже принял, – ответил я скромно. – Приказ подписан и вступил в силу.

– Ого!.. – сказал он с живейшей заинтересованностью. – Прикидываешь, с чего начнёшь?

– Уже знаю, – сообщил я. – Что-то нейроморфы притормозили в последнее время, не находишь?.. Хочу вывести на рывок.

Марат помалкивает, только смотрит на кумира восторженными глазами, Ежевика держит чашку обеими руками и поглядывает то на Джина, то на меня быстрыми смеющимися глазами.

Он поинтересовался:

– А есть с кем?.. Это в народе считают, что если лучше

финансировать, то сразу всё пойдёт быстрее. Но где взять новых нейроморфников?..

Я ответил вежливо:

– Переманить из таксистов, так народ полагает. А ещё из кассиров, их как раз почти везде поувольняли.

Он победно заулыбался:

– Да и таксистов не осталось, безтаксистники рулят. Разве что из школьных преподавателей?.. Или уборщиков улиц?..

– В том и проблема, – ответил я с неудовольствием. – Все, кто может работать в научной сфере, уже работают. Даже студенты. Хотя безработица по стране растёт, но в ней не те кадры, которые может использовать. А переучивать таких бесполезно, извини за нелиберальные взгляды.

Он отмахнулся.

– Я демократ, но не либерал. Можно ещё?

Он осушил чашку в два быстрых глотка, словно и во рту всё покрыто жароупорным, протянул Ежевике.

– Сделай покрепче... Артём, а если серьёзно, насколько в самом деле велики твои полномочия?

Я ответил с некоторым беспокойством:

– Почти диктаторские. Могу принимать на работу кого угодно и увольнять без объяснения причин... лишь бы они были. Сейчас отрасль в такой жопе, что закроют глаза на некоторые не слишком заметные нарушения.

Он оживился, хотя старается не показывать вида, но я заранее настроился ловить малейшие признаки, и с замирани-

ем сердца ощутил, что червячка забросил толстого и жирного.

– Ого!.. – произнёс он чуточку живее, чем обычно. – Ты серьёзно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.